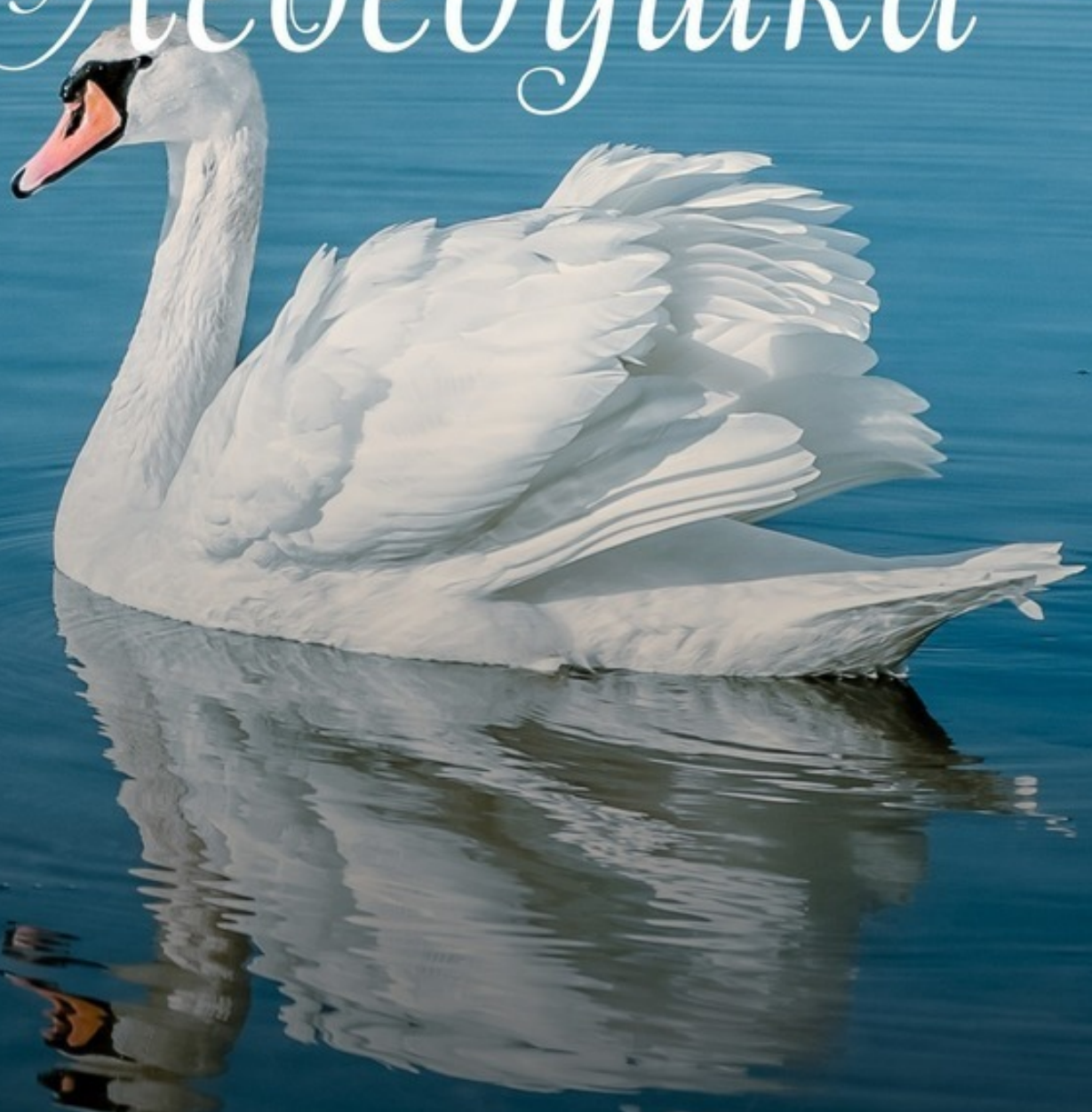

Вячеслав Евдокимов

Белая
Лебедушка

Вячеслав Евдокимов

Белая Лебедушка

«Издательские решения»

Евдокимов В.

Белая Лебедушка / В. Евдокимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748352-4

Ваш взгляд остановился на обложке и названии этой книги... Если лейтмотив её затронет вашу душу, то это вас окрылит, значит, есть ваши единомышленники, собратья по духу, поддержка, и вам будет увереннее, легче и радостнее жить. Если же не найдёте в ней себе подобных, то хотя бы будете знать, что есть совсем другая жизнь. Берите в ней самый ценный клад тех свойств, которые раскроют вам глаза на мир и истинный смысл жизни — Прогресс и Человечность. Смело идите, и вы найдёте его. В добрый путь!

ISBN 978-5-44-748352-4

© Евдокимов В.
© Издательские решения

Содержание

Белая Лебедушка	6
Мураши	103
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Белая Лебедушка

Вячеслав Евдокимов

© Вячеслав Евдокимов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белая Лебедушка *Героический эпос*

*Все народы на земле равны,
каждый народ имеет право
на жизнь, счастье и свободу.*

Хо Ши Мин

I

Природа – мать всему на свете:
От йоктокрохотных частиц
До звезд-гигантов, в чреве светят
Что у Вселенной без границ.

Дитя – микроб, цветок и камень...
И – в полный рост! – сам Человек,
Трамбуя в череп ум веками,
Стремя Прогресса вечный бег

Под взором ласковым Свободы,
Несут ручьи как дружно с гор
Свои безудержные воды
Камней грядам наперекор,

Чтоб слиться в сладостных объятьях
Полей, садов, лугов, лесов,
Как крепко льнут друг к другу братья,
Разлуки долгой сбив засов.

И всё цветёт и колосится,
Даёт обильные плоды,
Пьёт Человек и зверь, и птица,
Воздав хвалу струям воды!

II

Людей всех равными Природа
Являет миру испокон.
Но век от века, год от года
Есть те, кто топчут сей закон

С тех пор, когда в родимой шкуре
Едва протапывали след.
Драть слабых – было в их натуре,
Съедался, голод коль, – сосед...

Кус большой хапали добычи,

Приноровясь толкаться, красть —
И это в кровь вошло, в обычай
И в повседневнейшую страсть!

Богов явили тьму, религий,
Чтоб навязать смиренье, страх,
Всех разобщить, одеть в вериги.
Свободу, ум жгли на кострах...

Друг другу грызли глотки псами
За гонор, злато, земли, власть,
И смерть народ в пасть штабелями
Не успевала алчно класть...

И растерзав вблизи ресурсы, —
Под паруса все, пьяный гам,
Секиры взявши, пушки, бусы,
Рванули к дальним берегам...

И гибли там аборигены,
Рабов подавлен вид, угрюм...
Вождям – в рот ром и песнь сирены.
Себе ж – награбленное в трюм.

Так баснословно богатели.
Другим – неволя, нищета,
Ни крова, пищи, ни постели,
Не в радость жизнь, а маята...

У мрачной сырости могилы
Все в ранних числились гостях...
Но пухли злата воротилы
На поте, крови их, костях.

Табун обуздывают власти,
Угнав из стойла кошелек,
Рвав конкурентов вон на части,
Дав светлой совести пинка!

Инстинкт звериный на добычу
В них Питекантропа всё жив —
Они его подвластны кличу.
В ходу дубины, ложь, ножи,

Суды, полиция, накаты,
Брѣх СМИ, тюремная тоска,
Страх увольнения, кнут зарплаты,
Убийц карманные войска;

В чужой вползают мир незвано
Конкистадор, миссионер
Во благо алчущего клана
С набором лжи, суровых мер,

Живородя тьму баз военных,
Дав гнусам-ставленникам трон.
Вслед – груды, груды убиенных
И экономики урон...

Мир нагло взнуздан финансистом,
В седле – промышленника стать —
К наживе мчат галопом быстрым,
Им божество она и мать,

Она плодит альянсы, блоки,
Блокады, хаос, войн пожар,
Себя вознесши в сан высокий,
Народам – подлый в пах удар!

Голодной мира половине
Не внемлет. Пухнет от сладостей,
Лежит блаженно на перине
Народа тощего костей,

Сверкая золотом, изумрудом
Ярчайше Солнца во сто крат.
Коллег, друзей продаст (Иуда!) —
За подвернувшийся карат.

Над дележом Планеты нашей
Корпит зловеще алчный клан...
Не быть ей с ним свободной, краше,
Но сгинуть в прах – от страшных ран...

Дубася в бубен «демократий»,
Прёт нагло, догм их всех в обход,
Душить народы шлются рати —
На смерти, пепле взять доход.

III

Ты знал, Вьетнам, шквал лихолетий,
Врагов гнёт многовековой,
Секли тебя нещадно плети,
Чтоб ник покорной головой,

Топтали полчища монголов,
Китайцы шли как саранча,

Сиам рать казала норов
И самурай рубил сплеча,

Французов алчности был стойлом,
Измены подлой знал укус —
За шаткий трон, шмотьё и пойло,
Хоть и не в масть, но, вроде, туз...

Слетались коршуны с Биг-Бена,
Твои глаза чтоб расклевать...
Страшна им в мире перемена:
Нёс новый мир отрады кладь

Для всех рабов, презренных, нищих —
Свободу, благо, жизнь и честь,
Прогресс и веру: кулачище
У них, иметь чтоб это, есть!

Твоё на части рвали тело —
Текла кровавою Бенхай...
Смерть жернова свои вертела,
Меля, меля твой дивный край...

Вторгался дико, подло, рьяно
За супостатом супостат,
А из-за моря—океана —
Жесточе всех их во сто крат

Вломились злобно троероты
Из Троеротии—страны,
Как на животных, – для охоты,
С крестом, но дети Сатаны.

У них, помимо основного,
На каждой есть щеке по рту,
И оттого их душам клёво,
Жуют, грызут, аж пот на лбу.

Один жуёт всё время жвачку,
Плюясь отравленной слюной.
Другой всё хлещет виски всмачку.
Нет цели среднего иной,

Как рвать клыками, непокорно,
Не по-холуйски кто живёт,
Свою судьбу зрит не покорна,
А к счастью, горд, идёт вперёд!

Дух нац—и-соц—самосознания —

Ему гарант во всём побед,
Он не овечка для закланья.
Лишь путь борьбы – иного нет!

Встал честный мир в твою защиту,
Дух окрылив, прибавя сил,
И троероту быть побиту,
Да так, в штаны чтоб навалил!

Прикрыл тебя щитом надёжным
Социализм – рабов всех друг,
Чужды мечу Свободы ножны —
Не оброни его из рук!

Свет коммунизма в дикий ужас
Мошны ввергает алчный сброд,
И тот бесчинствует, натужась,
Среди долгот и меж широт.

На две рассёк он части тело
Твоё, срастись опять не дав, —
Как целым быть оно хотело!
Да лишено законных прав...

Но было, есть и будет право
За честь Отчизны встать горой.
И патриотам в этом – слава!
Смелей вперёд – на правый бой! —

С зловещей, алчной бандой смерти,
Ввергает Рай что в дикий Ад.
Бес геноцида круговерти —
Пуп – мировой олигархат

С ножом у горла стран и наций,
Навесив цепь на них грехов,
Себе на куш и корпораций
Прененасытнейших верхов.

Продукто—роботы системы
Милитаризма, вне потуг,
Все троероты – без дилеммы —
Взамен привычной пары рук

Телескопические вшили,
Чтоб край Земли достать любой
В запрограммированном стиле,
С бедра стреляя, как ковбой,

Вкруг извергая гнусность, скверны,
Жизнь обращая в скорбный труп...
Их животищи – что цисцерны;
Скрыл подбородком каждый пуп...

В их головёнках вместо мозга
Змей ядовитейших клубок,
В руках – кинжал, винтовка, розга,
Гранаты нёс их каждый бок.

Размер же берцев так громаден,
Что троерот, начав шагать,
Давил страну, до крови жаден,
А если малых, – сразу пять.

С небес бомбили, жгли, травили,
В зловещий вставши свой барраж,
И содрогались моря мили
От залпов палубных. И в раж

Входили взрывы тьмы снарядов,
Вдрызг жизнь на клочья разметав.
Разруха, смерть идут парадом,
Насилье давит, как удав,

К Свободе волю сжечь чтоб, высечь
И беззакония разгул
Установить верх. Сотни тысяч
Шлёт изуверов в бой Сеул

По троеротовой команде,
Как пёс, схватив в награду кость.
И, в пополненье к этой банде,
В не меньшей мере впавши в злость,

Вскачь прискакал из—под Канберры,
Лягать Вьетнам чтоб, Кенгуру,
Бить, добивать, не зная меры,
В прах женщин, старцев, детвору...

И с троеротом за два цента
Всё ж сторговавшись, впав в восторг,
Примкнул к разбою в полмомента
Неистов таец, метя в морг

Весь превратить Вьетнам живучий;
Новозеландцы в сто дубин
Тебя дубасили, и тучи
Шли, лья свинец, из Филиппин...

Свирепо клящая зубами,
Как кровь почувявший вампир,
Весь завалить Вьетнам гробами
Стремился Западный весь мир,

Своим увидя вождельням
О власти в мире грань, конец.
Вот потому с остервененьем
Пронзал тебя его свинец...

Он ждал, скуёт Ханой что кома
От жал «Пронзающей стрелы»,
Что ужаснут «Раскаты грома»,
И сам ты влезешь в кандалы.

Как в кур вонзает взор свой кречет,
Огнём «Горящее копьё»,
Вдогон «Стрелы», в тебя враг мечет
И кружит, будто вороньё...

Враги в сплошной район охоты
Твой превратили скорбный Юг:
На номерах встав, живоглоты
Твоей ждут смерти, тяжких мук.

«Seek and destroy!» – их клич звериный
Звучит под солнцем и в ночи.
Могила им – Вьетнам единый,
Они с рожденья – палачи.

Но дух Свободы не для клетки
И не зальёшь свинцом ей рот.
В бой повсеместно, как и предки,
Отважно ринулся народ!

Природа—мать к нему примкнула,
Ведь, он – кровинушка, сынок:
К виску приставленное дуло
Прочь отводила, жить чтоб мог!

В своих скрывала тайных недрах,
Растений полог укрывал,
Кормить старалась слаще, щедро,
Чтоб бил подонков наповал!

Какой безудержной отвагой,
Высоким духом обладать,
Лишь с кулаками только, с лагой

Идти на монстров войн чтоб тать!

Так муравьи, вцепясь в медведя,
За развороченный их дом,
Презря рост, вес его, к победе
Идут: прочь мчит он кувырком!

Врага разили партизаны
Внезапно, метко из засад,
И он зализывал, злясь, раны,
И духа ник его парад.

Они средь дня – в родной стихии:
О благах помыслы. И труд.
Ночами – мстители лихие,
И по врагу удар их крут!

Как ручейки рождают реки,
Течь полноводно вдаль им чтоб,
Не без НФОЮВ в том опеки,
Полки, дивизии шли в лоб,

Преобразясь из одиночек,
Творцами грозных став атак!
Победный, первый боя почерк
Их восхищённо чтит Апбак.

Дрожал Сайгон, от страха бледный,
Когда был выбит из Биньзя.
Народа гнев и дух победный
Сдержать, убить вовек нельзя!

Марионеток, троеротов
Громили базы в пух и прах!
Орудий тлен был, вертолётгов...
Взлетали в воздух в городах

Врагом набитые отели!
И троеротовый посол
На мушке был. Огнём горели
Буддисты, вставши против зол...

Свободу, жизнь несла в районы
Народа власть, спокойный труд,
Разруша гнёта все препоны —
Жест исторический был крут!

Земля вручалась всем бесплатно —
Её крестьянин целовал,

Зажить мечтая не заплатно,
И пел, плясал, как в карнавал!

Десятки партий твёрдойковки
В единый сжались кулак.
А стачки, марши, забастовки
Трясли, вдобавок, зла стояк

По городам – так патриоты
В режим метали ярый гнев,
И чтоб убрались троероты,
Ведь, не концлагерь Юг, не хлев!

Поток побед борьбы народной
Сбивал, топил вон вражий прайд!
И троероты, преисподней
Зло, возопили: «Steam the tide!»

Пошли «ковровые» бомбёжки —
Всё в прах взметалось до небес!
И, ставя совести подножки,
Травили газами «CS»,

Беснуясь, щерились злорадно,
Победу скорую узря,
Но, глядь, не так всё было ладно,
И изрыгать не срок «Ура!»

Где пал один народный воин,
Там новых сто вставали в строй,
И не был строй пред злом безволен,
Но каждый в нём – Атлант, Герой,

Смышлён в опасности и стойкий,
И враг не сбил чтоб наповал,
Вдруг примет образ землеройки
И юркнет в недр земной подвал —

Спасенье в нём и передышка,
И исцеленье страшных ран,
Врагу – ловушка, значит, крышка!
И вновь атак, атак буран!

А то, чтоб с смерти сбить корону,
Когда напялить уж спешит,
Вдруг превращался в дебрей крону,
В ней растворив свой внешний вид.

Стан троеротов ошарашен,

Рождает плана гнусный плод:
«Удар Вьетнаму будет страшен —
Земле, на ней что есть и под!»

Остервенело оккупанты
Творят жестокий геноцид
И распыляют химикаты,
За гербицидом – гербицид,

Шприцуют неба тучи газом,
Кислотный дождь чтоб лили те,
Дают команду «Фас!» – заразам,
Чтоб жизнь в болезни маяте

Всего и вся навек сгубилась;
Сжигают джунглей пышный рай,
Всё превращают в прах и силос,
С Земли стирают дивный край,

Пылят на всё дефолианты,
В них начинивши керосин:
Злы фирм химических таланты,
Коль «Agent Orange», «Dioxine»

Несут растительности кару,
Живым – мутации и рак.
Разбоя нет конца пиару,
А всё, чтоб мир весь сжать в кулак,

И бизнес пыжился их дабы,
Чтоб кошельки – всегда туги,
Бьют ирригацию и дамбы,
Жрут почву «Римские плуги»,

Несут смерть фосфор и кассеты
Всему, зловещих в вое, бомб,
И дарят детям не конфеты —
В сосуд их жизни клинят тромб —

Взрывчаткой пичкают игрушки,
Чтоб, если с радостью возьмут,
Всех разорвало, как хлопушки,
И смерть надела б вмиг хомут...

Эпифитотию рожал их,
Эпизоотию ум злой,
Чтоб взрослых голод съел и малых,
Засыпав кости прочь золой...

Погибли житницы—равнины,
От джунглей, мангров – пепел лишь,
И обезлюдили общины,
Зловещей смерти всюду тишь...

Так возродился фюрер снова,
Член мракобесовой семьи,
Ему мир – дойная корова,
Он тактик «Выжженной земли» —

Имел домашний в этом опыт,
Аборигенов истребив,
Ему всласть люб ковбойский топот
Над всей планетой – так спесив!

Ни капли нету сострадания
В его разбойной кобуре,
А потому вокруг – смерть, рыдания,
Опустошенья кабаре...

Дымит сигарою во фраках
Центр троеротов мозговой:
«Всем жить, – решает он, – в клоаках!»
А если с гордой головой

И не приемлет униженья,
Иль кто – последний, сорный сорт,
Того лишь ждёт уничтоженье,
А возрождению – аборт,

И быть Земле одним лишь штатом,
А троероту – власти трон,
Готов в бой бросить жуткий атом,
Загнать Свободу чтоб в загон.

И Троеротии стратеги
В жизнь превращали бурно план —
Без сна и отдыха, и неги,
Велев в бюджета шарабан

Сесть ВПК-джентльмену первым,
Подав тяжёлый саквояж;
Уселись рядом прессы стервы,
Перевиранья макияж

Ложа на факты толстым слоём;
Влетел стремглав киношник—блуд!
Бранясь, толкаясь, влезли с боем —
Один, чей нос – длиннющий фут,

Другой – с великими ушами;
Сел, озираясь, диссидент...
Был втиснут с умными мозгами
Творец прогресса – элемент,

Что бросил Родину за пенни,
Сюда пробравшись, будто крот...
А с крыши драли звук без лени
Артисты с визгами, вразброд,

Что ошарашили вдруг Йети,
Дрожать заставивши в горах!..
Смиренно «сукины», сев, «дети»
Втянулись в панцирь черепах;

И от сосисек, пива сытый,
Воссел, бравурный вновь, ершист,
Страной Советов гладко бритый,
Здесь накрахмаленный, фашист;

К нему подсел, ласкаясь, педик...
И, мрачный, место отыскал,
Мор возвеличив, химик—медик;
Вовсю зубов явив оскал,

С косой присела острой Леди;
Напротив делал бутерброд
Субъект из всякой пище—снеди,
Чтоб мира потчевать народ,

Да всё медком цитоплазмидов;
Ввалился армий частных строй;
Убийц смесь, киллеров всех видов,
Не признавая жизнь святой,

В углу аморфный вид имела;
Острил шпион глаз, ухо, нос...
С ним диверсант спешил на дело
И террорист, чтоб мир вразнос

Вон разнести из—за идеи,
Божков своих, за банка счёт.
Тут влезли прочие злодеи,
И шарабан помчал вперёд

По всем земным краям и странам,
Мёд «СЪЕМОкратии» неся
Своей, в душе иным баранам!

Вела от дома их стезя

За много—много милей тысяч,
Чтоб безопасности пресечь
«Угрозу» там своей, всех высечь,
Пустить обильно кровотечь...

Сажали в трон марионеток,
Сняв, как клочок бумаги, власть.
Девиз их давний, целью меток:
«Самим чтоб в клетку не попасть,

Всех натравить вон друг на друга,
Как злобных, бешеных собак!
Тогда не будет править туго
Всем миром, сжав его в кулак.»

И нет земли клочка, района
Всех океанов и морей,
Не слышно было бы где стона
Ярмом измученных людей —

Тому история фиксатор,
В гробсбух всё вносит чётко свой:
«Да! Троеротия – диктатор,
Жандарм, преступник мировой.»

Разбой её не только где—то,
Но и внутри её самой:
Аборигенов душит в гетто,
Всех, кто цветной, – тех на убой,

Кто нищ, бесправен, – на помойке
Так и закончит жизни срок,
А кто за правду встанет, стойкий,
Того ждёт цепь и Сэр—курок.

И даже уйму Президентов
Своих скосила наповал
Всего за парудохлых центов,
Чтоб цент, жирея, засовал

В дерьмо, заполнившее бочку,
Весь мир, крутя над ним косою
И принуждая тем в отмочку
Вновь окунаться с головой...

Жандарм в разбое – ушлый мачо,
Всё стратегичит каждый миг,

Да вот те раз! Что за задача:
Встал на пути его велик

Социализма мир свободный,
Где каждый – друг, товарищ, брат,
Всяк сытым стал, кто был голодный,
А нищий – доверху богат!

Труда клад – граждан всех богатство;
И обороны крепок щит,
Чтоб оградить новь жизни, братства,
Коль враг в атаке взверещит.

Светило – мир тот угнетённым,
Защита, помощь и плечо,
Надежда ближним, отдалённым
Народам, в рабстве кто ещё.

Маркс, Энгельс первыми в фундамент
Его вложили свой кирпич,
Вознёс же стены, дал орнамент,
Ульянов (Ленин), сам «Ильич»,

Борьбу отвергший одиночек,
Но ВЕСЬ народ зовя на бой,
Где полководца виден почерк —
Единой партии стальной.

Шаг первых труден, неизведан
Их путь в грядущее, тернист.
Но ждёт успех и ждёт победа,
Ведёт коль вдаль их коммунист!

Социализм Страны Советов
ДЕРЖАВУ миру преподнёс!
Его песнь подвигов пропета
Над миром, дивная до слёз:

«На амбразуры пулемётов,
Чтоб глотку смерти враз заткнуть,
Бросала грудь свою пехота,
Атаке дав свободный путь!

В бою патроны все растрата,
Чтоб бомбовозам смазать план,
Небес отважные шли братья
На сокрушительный таран!

Себя в горящем самолёте

Вонзали в скопища врагов,
Урон дав технике, пехоте —
Советский дух всегда таков!

Вели гигантские сраженья
Разящий Курск и Сталинград,
Не ведал плена униженье
Непокорённый Ленинград!

Ни подкуп, виселицы, пытки,
В чём изощрялась вражья тать,
Не открывали душ калитки,
Страну трусливо чтоб предать!

И помнит шахты шурф бездонный
Полёт, презревших смерть, юнцов
В бессмертье, славный, Краснодонный,
Достойный подвигов отцов!

Таким сам враг, того не зная,
Великий памятник вознёс,
Когда воды жуть ледяная
На них, нагих, лилась в мороз

Со всех брандспойтов озверело,
Живьём вмороза в глыбы льда...
Да, растерзать возможно тело,
Но дух Свободы – никогда!

Он восставал вновь из разрухи,
Поверг фашизма гидру в прах,
Что в космос первым взмыл, – не слухи,
В почёте он в иных мирах!

Ковал мечи он на орала,
Даря планете неба синь,
Ему честь права не давала,
Чтоб на бойца, хоть был тот сын,

Менять Фельдмаршала—вражину,
В бою разбитым, взятым в плен.
Нет, не загнать вовек дружину
Социализма в мор и тлен!»

Желанный он, как дождь в пустыне,
Дающий жизнь цветов росткам,
Самосознанию гордыне
Рабам давал взмыть к облакам,

Владеть своей всегда судьбою
И сознавать: он – Человек! —
Быть гордым этим сам собою,
Свой жизни пестуя побег.

Колониальная система,
Позор Земли, трещит по швам,
Лишаясь пышного гарема —
Он на планете страшный шрам

И униженье человека.
Душа системы – мрак и жуть,
И произвол, рубцы от стека,
В могилу частый, скорбный путь

И в метрополии потоки
Богатств в казну их с грабежа.
Ну, а колониям – вонь, стоки,
С соседом спорная межа

И сырьевой в веках придаток,
Заткнутый кляпом вольный рот
И в доме вечный недостаток,
И от прогресса отворот...

Вот эти все с себя напасти
И должен сбросить напрочь раб,
Судьбу в свои взять руки, счастье —
Сам не отдаст их враг—сатрап.

И вот пошли Планеты роды
Освободительных войн в срок,
Отцы – восставшие народы,
Колониализма змей клубок

С себя с презрением сдирая,
Несли Свободу—мать, как стяг,
К апартаментам жизни рая, —
Мечты заветной работяг.

И ты, Вьетнам, шёл в грозном строе
За той Свободой, вон презря
Смерть, вокруг тебя жужжащей роем,
Врага разивши – упыря

В коммунах стойких и общинах,
Уездах, в гвалте городов,
Среди провинций, телом чинных,
В полях и джунглях, средь садов!

Своё воспринял ты величье,
Сын Банко, баловень Небес,
И сохранить своё обличье
Теперь уж нужно позарез!

Цивилизаций ты почтенней
Иных был с древних—древних пор,
И восхвалял Прогресс твой гений,
Жил – жив! Врагам наперекор!

Из поколенья в поколенья
Ты чтил, из памяти не стёр
Отважный дух Сопротивленья
Чынг Чак, Чынг Ни – родных сестёр!

Почёт Ба Чьеу – героине!
Для Чан Хынг Дао – твой салют! —
Изгнал монголов вспять в пустыни:
Знай, мол, Вьетнам – плохой приют!

Крушил Ле Лой китайцев храбро!
И прочь швырнул их Нго Куен,
Схватив решительно за жабры:
«Не по нутру Вьетнаму плен!»

И от героев—одинок
До мощной «Данг» страны своей,
Что от «Тхань Ньен» вела шажочек,
Дошла до классовых идей,

Взвив стяг Марксизма—Ленинизма
Над феодальной кабалой,
Над гнётом колониализма,
Взывая к жизни всех иной!

Вёл к цели «Данг» сквозь вражьи корчи
Вождь, величайший Хо Ши Мин,
Отважный, стойкий, мудрый кормчий,
Родной отец тебе и сын,

Совместно с преданной когортой
Друзей, ему в борьбе под стать,
Чтоб быть стране свободной, гордой,
Ведь ты родимая им мать!

Их благородные усилия
С мечтой народной в резонанс
Вошли, подняв его с засильем

На бой идти – священный шанс!

Вот потому француз разгромлен
Под Дьен Бьен Фу был, в ужас впав!
Мечтал Вьетнам он кверху корнем
Воткнуть, освоив здесь анклав...

Мечта пылала и японца,
Чтоб, основное потесня,
Взметнуть своё на небо солнце:
Чти, мол, его лишь, балбесня!

Но Акт к себе заставил брассом
Убраться прочь на острова!
Вмиг англичанин первым классом
Примчал – качать свои права,

Чтоб кровь твою впитать, как губка, —
Его стратегии вся суть,
И щупать внаглуую, где юбка,
И ухватить желая грудь...

Шли сотни тысяч Гоминдана
Вояк, неся смертей метель,
Для твоего, Вьетнам, закланья
На Север, смявши Параллель...

И вот со всею этой бандой
Вьетминь отважно вёл бои,
Успех в них был ему наградой,
Он за права стоял свои!

На пушек шёл он батареи
С ружьём кремнёвым и не ник.
Насквозь пронзались злодеи
Заточкой острой древних пик!

В победу верили Провидцы,
Их не страшила вражья пасть.
Вот так рождалась средь провинций
Народа праведная власть!

В бою открытом тяжко. Верно!
Но в нём известно, где твой враг.
В борьбе подполья – в гуще скверны —
Узнать его не просто так:

Он вокруг наушник, провокатор,
Соратник, якобы, и друг.

Раскройся чуть, вмиг – аллигатор,
Палач, вершитель тяжких мук,

Мясник в кровавых казнях жутких,
Неистов, встреча стойкий дух,
И храбр, когда в цепной ты спутке,
Враг к состраданию напрочь глух.

Вот потому его смысленей
Ты должен быть во много раз,
Не обронить шанс из ладоней
И врезать вдруг страшенно в глаз!

Вот так – в тылу врага, в бою ли,
Ты нёс Свободы дивной мёд
Сквозь пытки, казней жуть и пули,
Чтоб напоить им всласть народ.

И он стремился к «Данг» за взятком —
Защиты, истины, идей,
Как пчёлка, битая порядком,
Разбоем бурь, стеной дождей...

Но, кладом этим отягчённый,
Он в прежний улей не влетал,
Был весь тот гадко прокопчённый,
Душе и телу слишком мал.

Сгонял он мух с цветов душистых,
Их жизнь – жужжать лишь, спать да есть.
Вселялся в новый, светлый, чистый,
В котором жить, мёд делать – честь!

Вулкан борьбы проснулся грозный,
И не сдержат народных лав.
Народ вовек не червь навозный.
Дракон Великий и трёхглав!

Он гидру зла раздавит лапой,
Огнём души во прах сожжёт,
В бою не пользуется капой,
Бьёт насмерть, лишь идя вперёд!

Хоть подлый Запад хищной львицей
Тебя разгрыз вдруг поперёк
И алчно Юг твой с фальшь—столицей
Примкнул к себе вмиг, как брелок,

Твой Юг не сгинул отрешённо,

А стал отважен, как солдат!
Чрез пуповину «Чыонгшона»
В него вдыхал жизнь Север – брат.

Бесперебойность связи этой
Сквозь череду лихих годин,
Молвой, легендами воспетый,
Вёл «Генерал 601».

Вот потому Вьетминь в атаки
Ходил с обоймой не пустой,
Он миномёты, пушки, танки
Вводил уж в каждый дерзкий бой,

За шагом шаг освобождая
Очередной район, уезд,
Где власть народа молодая
Вставала на ноги окрест.

От феодального кто гнёта
Не мог в трудах расправить спин,
Средь нищеты завяз болота,
Кому захватчик – господин

За смерти, муки ненавистен,
Кому мила Отчизны честь,
Того созрел в душе плод истин,
Сок сил придал, воззвал на месть.

Все, кто не мог терпеть засилья,
Семью оставив, отчий дом,
Шли в бой с невиданным усиьем
С врагом, вернуться чтоб потом.

И добивались победы,
Идя бесстрашно лишь вперёд!
Народа власть крушила беды
И создавала свой оплот.

Один из них, отменно грозен,
Твёрд, бил страшенно по зубам
Врага в его различной позе,
Швыряя оптом в пасть гробам.

Неся потери, крах позиций,
Всё возрастающий урон,
Противник, раб своих амбиций,
Всё чаще в ход пускал патрон

По мирным жителям в отместку
За поражений череду,
Как колоскам, устроив срезку
Невинным жизням их в бреду

Галлюцинаций, опасаясь,
Что все они «Вьетконг» и есть,
Его подпитка, силы завязь
И притаившаяся месть.

IV

В местечке дивном, благодатном
Земной свила Природа Рай
Под неба ноном необъятным,
Назвав уезд свой Куангнгай...

Где Солнце в небо ежедневно
Стремит младенческий шажок,
Там море ласково, то пенно,
Лобзает Рая бережок...

Где ж ночь кладёт в постель Светило
Под яркий, тихий звёздный хор,
Там ввысь зубцы свои стремил
Стена—громада Длинных гор!

Развёрнут там живой картины
Вдоль моря брызг, подножья гор
Преблагодатнейшей равнины
Очаровательный ковёр;

Текут там реки полноводно
Сквозь буйство джунглей, ширь полей...
Живут там счастливо, свободно
Ячейки мирные людей,

Трудясь везде, где это надо,
А враг нагрянет, злобен, яр,
Все, как один, ему преграда
И сокрушительный удар!

И вот уж в хлопотах весь снова
Трудолюбивевший народ:
Для жизни труд – закон, основа
И шаг к грядущему вперёд.

Хоть быт был разного уклада,
Но в дружбе крепкой жили Вьет,

Седанг и Хрэ, придя, коль надо,
На помощь вмиг, вплоть с детских лет.

Не исключенье и деревни
Микхе общины и Милай,
Веда неспешно быт свой древний,
Привычно впрягшись в дела:

Вели каналы, ввысь – плотины,
Тьма коромысел в поле спин...
На джонках в море шли мужчины,
Презря и шторм, и жуть глубин!

Плоды дарила им природа,
И льнула живность к их рукам...
На диво – песни, танцы, мода,
Почёт, забота – старикам.

А в молодых – порыв и сила,
Краса и страстная любовь!
Умильно мать дитя кормила, —
Оно – надежда в жизни, новь.

Другой своей – помощник в поле:
Он за спиной запеленат...
И так текло всегда, доколе
Беды не грянет вдруг набат!

А будоражил он надрывно
Людей с внезапных жутких пор,
Когда рубить стал беспрерывно
Их троеротовый топор.

И был у них один лишь выбор —
Острее свой начать точить,
Чтоб троерот с земли их выбыл,
Навек смилив разбоя прыть.

Взлетает как мгновенно стая,
Подвох учуя чей—то вдруг,
Сняла их так любовь святая
К Отчизне с мест, её от мук

Избавить чтоб, вновь возвратиться
К земле, семье, в родной удел
И щебетать заливно птицей,
Исполнив уйму нужных дел.

И улетали! А в гнездовье

Остались дети, старики,
И участь ждёт, быть может, вдовья
Их жён, чьих слёз – поток реки...

Но жили все они надеждой,
Что троеротов разобьют!
И вновь наполнится безбрежной
Отрадой милый их уют.

Скотиной теплилось подворье,
Как прежде, рос отменный рис,
Ручонки детские – подспорье,
Без них, ведь, ввек не обойтись!

Итак, 16 —го марта,
В 68-ой, тревожный год,
Что век 20-ый дал, азартно
В Сонгми трудился весь народ,

Взрояся дружно до рассвета,
Чтоб к зною сделать все дела,
И ни чутьё их, ни приметы
Им не шепнули, что плела

Судьба вовсю зловеще сети,
Чтоб, как добычу, их поймать...
Вот потому играли дети,
Несли их матери дел кладь,

И старики, сидя степенно,
Их одобряли, подбодря,
А то, ворча, корили бденно:
Не так, мол, это, то-де зря...

Потом кивали вновь похвально,
По их, коль, делалось, да в лад...
Как вдруг всех взор и слух повально
Был устремлён на то, что ад

Мог принести в мгновенье ока —
«Вертушки» к ним со всех сторон
Неслись зловеще невысоко...
И не успевши юркнуть в схрон,

Попали все под мощь обстрела:
Снаряды жгли, пронзал фугас
Всё на пути что, озверело,
Чтоб жизни свет всех, вся угас.

Страшна была пятиминутка
Обстрела дикого по ним!
Кто выжил в нём, дрожал тот жутко,
Куда—то ужасом гоним...

Повсюду крики, плач, стенанья,
Огонь, разруха, кровь и страх...
– За что такое наказание?! —
Вопило в слёзных их глазах, —

Не от оружия мозоли,
Что уж не сходят с наших рук,
А что работаем мы в поле,
В садах, подворье... Мир нам друг!

Но вертолёты изрыгнули
Взъярённых, бешеных солдат
В ответ, и вихрем, роем пули
Губили жителей подряд...

Шла троеротов строем рота,
Ей муки, кровь – блаженный стресс,
Она – безумие и рвота
Зондер команд—зверюг СС.

Ей командир прикрикнул Злелли,
Пигмею ростом был что схож:
– Всё, что вокруг, – то ваши цели,
А цель – убей и уничтожь! —

Машина смерти стрекотала,
В ход шли гранаты и штыки,
Из жертв струилась кровь их ало,
Лишались дети, старики

Голов, отрезанных кинжалом...
И как в инстинкте прут скоты,
На женщин бросились навалом,
Вспоров потом им животы

И. намотавши их кишочки
Себе на шею, вроде бус,
Они под гогот и смешочки
На фотки щёлкались: не трус,

Мол, троеротов воин бравый,
Добра и правды идеал!
Чтоб коммунизм бить, это право
Ему мощны строй алчный дал.

Пытали жертв, чтоб выбить слово,
Где батальона дышит штаб
(Вьетминя честь!) сорок восьмого,
Но был язык тех, будто кляп!

И палачи от ярой злости —
Молчанье им острей косы —
Глаза выкалывали, кости
Дробя, срезали уши и носы,

Снимали скальпы, все подсумки
Набив добычею битком,
И чтоб беременным взвить муки,
Жестоко били их пинком

И животы потом вскрывали,
Живьём глотая их плоды...
Не как они кто, – тот в опале,
Тому – смерть, муки, кандалы.

Пылали хижины горюче...
Животных в бойне дикий рёв!..
Дым превращался в аспид—тучи,
В колодец старец сброшен, в ров

В людей опять летит граната,
Чтоб растерзать наверняка...
Раздолье «бою» супостата,
Морали ценность высока!

Потом настал их час обеда,
Есть, пить из жертв их черепов...
– А что! Достойная победа,
Давили гуков, как клопов...

– Теперь повысят званье, знамо,
Медаль дадут и снимут клип.
Затмит свет миру наше знамя.
Ай! Троеротии – гип—гип! —

В себя еду вваливши с виски,
По видакам позрев стрептиз,
Хлебнули крови жертв по миске
И вновь за фотки с кличем «Cheese!»

Поля спалили огнемёты,
Разрушен дамб разумный строй...
Краж проявили сверхвысоты

И, как осинный ярый рой,

На жертв набросились остаток,
Прикладом в кучу понагнав...
Да, троерот на кровь сверхпадок,
И совесть в нём не знает прав...

Столкнувши скорбных на колени
И помочась на них – сортир! —
Вмиг превратили всех в мишени,
Явив себе азартный тир:

Тем отстрелили напрочь уши,
Тому влетела пуля в глаз,
А этой – в рот, на, мол, покушай! —
У той рука вдруг отсеклась...

Частили выстрелы в затылки
И – шик! – коль строго меж бровей...
И прикрывали без заминки
Собою матери детей:

Спасти! Спасти родных малюток!
Но став от пуль, как решето,
Навек стихали – вид сей жуток —
Не воскресит их ввек никто...

Их троероты, отшвырнувши,
Детей приканчивали враз:
– Не скажут, били-де, баклуши
Мы здесь, бездельем возгорясь!

Из жертв растерзанных ворота
Соорудя, под гогот, вой,
В футбольный раж вошла вдруг рота,
Играя жертвы головой...

И Злелли рапорт пишет браво,
Что за полтысячу врагов
Скосил налево и направо,
Не отступя на ноль шагов.

Ух! Восхитится ротой «Чарли»
Любой командования ранг,
Как шли за ним в атаки парни,
Что необузданный мустанг!

И, насладившись мыслью сладкой,
И что уже страшила ночь,

Он и всё воинство порядком
Обратным вон убрались прочь.

Остался пепел от деревни
И трупы, трупы, кровь и гарь...
И тишина. Лишь не плачевны
Глаза у смерти. Не бунтарь

Она от пяток до макушки
За ужас, в косточки играв, —
Её любимые игрушки,
И не отдаст своих в том прав!

Луны нет, звёзд. Мрак. Жуть. Страсть хмуро...
Они насквозь прокопчены
От дыма и номенклатура
Вселенной, все её чины...

А, может, это лишь причина,
Чтоб не светить им в весь свой блеск,
Земли не видеть чтоб кончины,
В себе губящей жизни всплеск?!

V

Но, чу! Иль, может, показалось?
Среди одной из всех груд тел
Вдруг тихий звук – сама скорбь, жалость —
Возник, вновь гас, как бы хотел

Ростком из груди вверх пробиться
И зацвести, дарить плоды,
Из клетки выпорхнуть вон птицей,
Защебетать на все лады!

О, да! Вновь звук! И он реальность!
То детский плачик слышен стал,
Как мёд средь горечи и пряность,
Как эликсиров всех бокал!

Ребёнок силился из груди
Печальной вызволиться прочь...
И смог! Хвала усильям, чуду.
Была то девочка и дочь

Той, что, растерзанна, лежала
Вблизи головушки своей...
Ребёнок плакал, звал немало,
Полз, содрогаясь всё сильней,

От мрака, страшного до жути,
И, вдруг наткнувшись, на что хоть,
Впадал вмиг в обморок, по сути,
Не в силах страх свой побороть...

От потрясений этих диких
Вон поиссякли струи слёз,
Плач захирел и стихли крики,
Глаза, круглее всех колёс,

Уж больше вовсе не моргали,
Вперёд уставясь только лишь...
Ползти! Ползти отсюда в дали,
Где жизнь и свет, не мрак и тишь!

Да! Отошла уж дочь от взрыва
Гранаты, бросил что солдат
Со злости, ярости разлива,
Очнулась, чтоб покинуть ад...

Спасибо маме, что прикрыла
Её собою в этот взрыв,
Всегда с ней было сладко, мило,
Заботы, неги был наплыв...

Теперь одна во мраке ночи...
Но вдруг узрела огонёк!
К нему! К нему, что было мочи,
Вмиг устремилась! Светлячок

То опустился с неба тихо,
Быть, может, ветерок занёс.
Он! Он спасение от лиха,
Осуществленье дум и грёз.

К нему! К нему дитя стремится,
За ним спешит всё вдаль и вдаль...
Порыв оплатится ль сторицей,
Уймёт ли страх он и печаль?

Но тут – одна лишь в мире сила
Неиссякаемая есть
На то – вдруг мать зашевелила —
И этой силе слава, честь! —

Окровавленными руками
И распростёрла их вослед,
Как бы взывая дочку к маме

Вернуться, не было чтоб бед!

Беззвучно мёртвыми губами
Взывала также голова,
Навек сомкнутыми глазами
Стремилась вслед, как бы жива...

Ввек в матерях Устав прописан:
В любви, заботах жить – их долг,
Урчать, ласкаться, будто киса,
Тогда лишь в детях будет толк.

Но все усилия напрасны
Её к себе дитя вернуть...
Ползёт, стремится та в опасный
За Светлячком призывный путь,

Чтоб быть от жути дальше, дальше,
Как нить, влекомая иглой!
Но сил уж нет, и черепаши
Движенья стали в тьме презлой...

Но вот покинут ад разбоя,
Где был жестокий жизни срез,
И в высоченный пред собою
Дитя вползло шуршащий лес...

Но здесь своя опасность, страхи:
Вокруг мерцанье чьих—то глаз
И визги, писки, звери, птахи —
От них беды жди и проказ!

И по лицу хлестали ветки,
По тельцу голому, спеша,
Скользили гады, рядом – детки,
Что дыбом волосы! Душа

От жути этой содрогалась,
Веля шарахаться вон прочь!
Прижаться б к маме, хоть на малость,
Чтоб страх утих, – мечтала дочь...

Кровоточило и зудело,
Распухло, ставши не своим,
Шипами жаленное, тело,
Впивался гнус, не уловим,

И уж хотелось крепко—крепко
Глаза зажмурить, съёжась в ком,

Как вдруг взглянул в них... зверь прецепко,
Достиг её одним прыжком!

Он был огромен, силой знатен,
Ужасен пасти был оскал,
Клыков вид острый, неприятен...
– Мала добыча!.. – проворчал... —

Фу! – он поморщился сначала, —
Да ты, глазам не верю, Тэй?
Вмиг разорвать тебя пристало
Клыков безумством и когтей!

– Твой шерсти цвет в том подтвержденье
На голове, Луна как, бел.
Не наша ты, то без сомненья! —
И растерзал бы уж и съел,

Да, всё ж приняхавшись по—чутче,
Опешил, гнев свой усмиря,
И грозовой не стал уж тучей:
– Прости, младенец! Взъелся зря...

И понял он, вздохнувши тяжело,
Какая ей далась судьба...
И, чудо, выжила, бедняжка!
Хоть шла вокруг жизнью молотьба...

Вот потому и поседела,
Ещё не сделав и шагка...
Она ж, добро почуя, смело
К нему прильнула, зря дружка...

И зверь, огромный, полосатый,
А это Тигр всеильный был,
Её, вдруг нежностью объятый,
Лизнул, смиря свирепый пыл,

И всю—всю вылизал, слюною
Обеззаразив тяжесть ран, —
Как санитар он был средь боя,
Спеша со смертью на таран!

Дитя, его теплом согрето,
К нему прижавшись, стихло враз...
Его стерёг он до рассвета,
Сам не сомкнувши острых глаз.

И чуть лишь утро посветлело,

Зверь, аккуратно взявши в пасть,
Понёс дитя сквозь дебри смело,
С природой чудно слившись в масть...

Он к Человеку точно вышел
И положил дитя к ногам.
Теперь отцом тот будет, крышей
От бед и карою врагам.

Одобрил Тигра тот старанье,
Погладив ласково рукой,
И зверь, лизнувши на прощанье
Дитя, исчез в листве густой...

Сопротивленья Ветераном
Тот человек когда—то был,
Подвержен пыткам, горю, ранам,
Не раз пускался и в распыл...

Когда же враг, Вьетнам расклиня
Посередине пополам,
Стал Юг терзать его, Вьетминя
Бойцом уж был он, вражий хлам

То тут, то там вон выметая
Из сердцу милой стороны,
И власть народная, родная
Влезала в крепкие штаны,

Хотя в них делали прорехи
Расправы, газы и напалм...
Но доставались на орехи
Тем, кто могилу ей копал!

Огонь пылал народа гнева,
Вздымалась сил его волна,
Живьём не лез уж в вражье чрево,
Была решительность стальна!

Вот при одном давнишнем бое,
Когда бесилась смерть вокруг,
Летели бомбы градом с воем,
От их земля рыдала мук,

Роились жалящие пули,
Душил «CS» – зловецкий газ,
Боец сей вспомнил, как согнули
Вдруг Тигра корчи – то зажглась

На звере шерсть, принесши боли,
Но почему он здесь? Как знать!
Не по своей, конечно, воле.
Опешил! Да куда бежать,

Когда вокруг сам ад развѣрзся,
Сгорает напрочь всё живьѐм,
В дыму не видно дальше носа,
И смерть орудует копьѐм...

Не мог в беде оставить зверя,
Подполз к нему он в тот же миг,
Тот не умчал, в добро поверя,
Наоборот, к бойцу преник...

Защиты жертва в каждом ищет,
Когда беда вдруг сотряслась.
Лишь две крупнющие слезинки
Невольно зверь держал у глаз...

Сбил пламя с Тигра, обезболил,
Намазал мазью, сверху – бинт,
И нет уж боли дикой боле,
Вполне здоровый внешний вид.

Так родилася дружба с зверем.
Коль санитаров рядом нет,
Бойцов израненных, им верен,
Тянул Тигр с боя в лазарет...

Вот и принѐс дитя он также,
Ведь зверь в своей родной среде
Больному в ласке не откажет,
В тепле, защите и еде.

Так Ветеран, семьи лишѐнный
От рук карателей, стал враз
Отцом невольно, вдохновлѐнный
Вновь к жизни, случай что припас.

И хоть Устав был строг во взводе,
Решили всё ж, пусть будет так:
– Ты ей отец, семья взвод, вроде,
Во время ж мстительных атак

На кухне будет пусть у женщин,
Угрозе чтоб не подвергать.
Постелим мягче ей, нам – жестче,
Так сообща заменим мать.

С любовью к ней тянули руки,
Погладить чтоб, прижать к груди,
С своими были, ведь, в разлуке,
А вдруг уж нет их, не найти...

Все, изумясь спасенья чуду,
«ФЫОНГ» решили имя дать,
Игрушек сделали ей груду,
Забыла ужас чтоб. И мать...

Вот и росла так. Чуя сметку, —
Да разве мало вокруг сирот! —
Сама мала ещё, в разведку
Ходила смело в пятый год.

Но всё рвалась идти в атаки,
Чтоб мстить и гнать врагов—мурен,
Стрелять из пушек, мчаться в танке,
Век не сдаваться гадам в плен!

И всё отца—то вопрошала:
– Когда, когда я подрасту?!
– Ну, ждать тебе ещё немало,
Вот подрасти чуть в высоту...

А, впрочем, слышал я от деда,
Земли коль выпить дивный сок,
Силён вмиг станешь для победы,
Отважен, ловок и высок!

В горах Лангшона это диво
У страшной пропасти на дне,
И даже шёл кто не трусливо
Туда, навек был в западне.

Но я не знаю, где такое,
Туда не ведаю пути... —
И уж нет дочери покоя,
Стремится место то найти!

И вот, когда все обсуждали
Тяжёлый свой победный бой,
Ушла в неведомые дали,
Отвагу взявши в путь с собой...

А спохватились, поздно было,
И поиск лишь вогнал в печаль,
И стало горестно, уныло,

Хоть прочь себя куда отчаль!

Надежду всё ж не отгоняли...
Фьонг же, встав на стремена
Стремленья въедливого в дали,
Шла, цель найти устремлена,

По вдрызг растерзанной землице,
По пеплу бывших деревень,
И стонет всё вокруг и дымится,
Но возрождением не лень

С тройным усилием заняться,
Всегда как было с давних пор,
Семью обречь, сестру иль братца,
И выползть прочь из ям и нор!

Шли тени—люди, как скелеты,
На лицах ужаса следы —
То тэй их, злостью разогретый,
Лишил жилья, еды, воды

Штыком и пулей, бомбопадом,
Всё жжёг, разрушил, отравил,
Жирели чтоб олигархагы,
Сидя на злате в сотнях вилл.

Фьонг спешила, чтоб бороться,
Как все, – с оружием в руках! —
(Туда, где падало вниз Солнце) —
Набив мозоли на ногах,

Из сил последних выбиваясь,
Попав не раз и под обстрел,
Но в плод рождалась цели завязь,
Сон не метал в глаза ей стрел...

Но вдруг, застыв средь леса чащи,
С опаской страшной поняла —
О горе ей! —совсем пропащи,
С пути что сбилася, дела...

Упала на землю и – в слёзы!
И, как назло, гнетёт уж ночь...
Ничто с отчаяньем – занозы,
Усталость, боли... Бьётся дочь

Бойца в истерике... Дыханье
Вдруг над собою ощутя,

Теряет в ужасе сознание...
Ах, невезучее дитя!

Без пользы так родной Отчизне
В момент последний и пропасть,
Ведь троероты зверски грызли,
Её живой швыряя в пасть.

Очнулась, думая, в проклятом
Уже находится аду...
А рядом... С видом полосатым —
Да, в яви то, а не в бреду —

Стоял Тигр, друг её давнишний!
– Поступок твой, Фьонг, знай, плох.
Шлепок за это был б не лишним,
Во взводе скорбь, переполох...

– Но! – покраснев, всё рассказала,
И он, умеря строгий пыл,
Чем возгордился сам немало,
Шепнул: – Я б так же поступил!

Уймём сейчас с тобой мы горе,
Я знаю место гор среди,
Садись мне на спину! – И вскоре
Цель показалась впереди...

– Пстой! – Фьонг вмиг соскочила,
Её глаз острый, как игла, —
Ждёт Паука там смерть—кончина:
На лапки палочка легла,

Не может вырвать их из плена,
И мы, как сильные, помочь
Должны в том горе непременно... —
И мчали вновь во всю-то мочь!

То место было неприметно,
Иди хоть мимо, не найдёшь,
Пройди сто раз вновь, – снова тщетно,
Так был схорон его хорош.

Тут поспешил Тигр восвояси,
Чтоб принести всем чудо-весть...
В провал взгляд вперея, затряслася
Фьонг от страха: – Как же лезть,

Когда нет лестницы, верёвки?

Нигде не видно и лиан,
В провал не спустится и ловкий.
Неужто цель моя – обман?!

Так и останусь малолеткой
Ежѐ на многие года? —
И снова в плач... Но тут к ней с ветки
Спустился каплей, как вода,

Паук на тонкой паутине:
– Ты не горюй и не страшись,
Не одолеть тебя кручине,
Я помогу спуститься вниз,

В моей беде, ведь, помогла ты. —
Ударил он в бамбук, как в гонг,
И пауки вмиг, как солдаты
Явились строем! И Фьонг

Смотрела, ловко как сплетали
Они единый крепкий жгут...
– Ну, всё, готово! Не пора ли
Спускаться вниз? Не мешкай тут!

Одним концом жгута обвязан
Был торс её петлёй тугой,
И выпускали, свивши сразу,
Все из себя – конец другой...

Так, метр за метром, с самой кручи,
И опустили вглубь дитя
Семьёю дружною паучьей,
И, сеть за сетью наплетя,

Ловить вновь стали мух и гнусов —
От них зараза лишь и зуд.
И хоть Фьонг была не трусом,
Но храбреца её статут

Во глубине на миг весь стёрся,
Такой здесь был кромешный мрак,
И страхов бешеного кросса
Остановить нельзя никак!

Куда ни ткнись, вокруг скал стены,
Глубокий каменный мешок...
– Где сок Земли? Я непременно
Должна испить, хотя б глоток!

Вдруг голос дивный и распевный
Обворожил ей душу вмиг,
Такой же милый, как тот, первый,
Что навсегда в неё проник,

Когда качалась в колыбельке
И под него впадала в сон,
Сомкнув блаженно, сладко веки —
Таким магическим был он...

– Раз место ты нашла провала,
Его достичь сумела дна,
Тебе богатства дам немало,
Владеть им будешь лишь одна.

И заживёшь, не как лак-заны,
А как преважный шикунан,
Уйдёшь в дворца жить чудо-залы,
И будет кхен в веселье рьян!

На шею сядешь ты народа,
А, уж залезши, не слезай!
Затмит лишь твой любую моду
Наипрелестный аозай, —

Земли то лился голос песней...
И лишь иссяк слов водопад,
Как воссиял вдруг свет чудесный,
И недр Фьонг узрела клад.

Богатством он слепил безмерным,
Ни обозреть его, ни счесть,
Не перечислить, что в нём, верно,
За пять годов, а, может, шесть!

Фьонг, как все на свете дети,
Гнала восторга водопад!
Лианы тянут как вокруг плети,
Тянула рук к всему ухват...

Но впала вдруг в оцепененье!
– А где же сок, где сок земной?
К нему моё влекло стремленье,
Жила мечтой о нём одной!

Мне ни к чему богатства груды,
Владеть им должен весь народ,
А не враги страны-иуды, —
Так говорит наш храбрый взвод!

– Уйми, дитя, души стенанья,
Смири разгневанную прыть,
То было лишь, знай, испытанье,
А не смогла б, мол, ты забыть

За соблазнительнейшим блеском
Ту цель, сюда что привела?
Теперь уверена я веско
В обратном, чем ты и мила.

Возьми волшебную вот чашу
И благодать мою испей,
Вмиг повзрослеешь, станешь краше,
Бесстрашной, стойкой и сильней.

Чтоб не отчаяться однажды,
Умерь количество глотков... —
Фыонг же, мучимая жаждой,
Забыла вмиг наказ тех слов

И превратилась... в старуху,
Согнувшись, в бурю будто куст, —
Судьба дала вновь оплеуху! —
Костей при шаге жуткий хруст,

О чём, лишь знать ей, бормотанье...
Вся кожа сморщилась, губ, глаз
Цвет потускнел. И рук дрожанье...
Вот так бывает у всех нас,

Когда не внемлем мы совету,
Идём спесиво поперёк,
Мол, наша гордость им задета,
И от совета мал-де прок.

Душой Фыонг – ребёнок тот же,
Но тело, силы – не свои...
Боль, стыд, отчаяние гложат:
– Как я теперь пойду в бои,

Когда поднять рук, ног не в силах,
Подслеповата и глуха?
Знать, здесь теперь моя могила...
Судьба в отмщении лиха! —

Печально смотрит, отрешённо
Наверх, в провал, где скрытый лаз,
И безнадёжность многотонно

Ей на сознание взобралась...

А в это время в небе жаркий
Смертельный бой воздушный вёл,
В отваге, ярости запарке,
С врагами подлыми Орёл,

Мстя за погибшую Орлицу
При взрывах бомб преступных птиц —
Армада их Вьетнам стремится
Убить в пределах госграниц.

Не бережёт в бою он тела,
Вонзает в крылья, фюзеляж
Отмщенья когти и сверхсмело
Бросает грудь на абордаж!

Рулей сбивает отклоненье,
Могучий клюв обшивку рвёт,
Строй нарушает напрочь звеньев,
Что, обезумев, троерот

Спешит покинуть вон кабину,
Чтоб больше ужаса не зреть,
Тем отвести свою кончину,
Сюда не лезть вовеки впредь!

Но в бой ввелись подкрепленья,
Чтоб обеспечить перевес,
И в сердце вдруг Орла раненье
Его прочь скинуло с небес

И, кувыркаясь безвольно,
В провал случайно угодил,
Была Фьонг где, и пребольно
Упал у ног её и сил,

Подняться чтоб, уж не имея...
Вздыхалась в муках тяжело грудь,
Биенье сердца всё слабее,
Взор затуманивала муть,

Кровь навсегда то покидала,
Её что гнало день и ночь...
Фьонг, встревожася немало
За птицу, бросилась помочь

Ей, ощутивши всей душою
Вмиг боль её быстрее глаз.

– Оставь! – в ответ он с хрипотою, —
Я не небесный больше ас!

Ты, видишь, смерть уселась рядом,
Увlechь меня чтоб в мир пустой...
Спасать себя тебе бы надо!
Ты губы смажь себе густой

Моею кровью, станешь сразу
Такой, какой хотела быть,
Себе, другим на радость глазу,
Исчезнет немощь, вспыхнет прыть,

Ты будешь сильной, стройной. ловкой,
Вновь возродится тонкий слух,
При безысходности сноровкой
Блеснёшь, включая железный дух!

Но вот братание пребелых
Волос с твоею головой
Не раскрепчает, аж до зрелых
Годов, как память, что с тобой,

С деревней звери-троероты
В экстазе сделали, сгубив,
Что не остались и сироты,
А моря крови лишь разлив... —

Всё так и сделала, с поклоном,
Фьонг-старушка и, лишь кровь
Коснулась губ, уж в обновлённом
Предстала виде. Славься, новь!

И воссияла вся, как Солнце!
Наверх же бросив грустный взор,
В рыданиях вся как затрясётся:
– А толку что?! Со дна как гор

Я подниматься кверху стану
По вертикальной глади скал?
Легка добыча я капкану
Дна глубочайшего, оскал

Его разверзнется злорадно,
Меня навеки поглотит,
И не пройти мне уж парадно
В честь над врагом Победы... – Вид

Блэк с отрешённости засилья

Её, сгибая, будто лук...
– Пстой! Не плачь! Свои я крылья
Тебе отдам, и горечь мук

Исчезнет враз! И ты покинешь
Сей мрачный каменный мешок,
Сил в крыльях хватит, чтобы финиш
Победно взять в один рывок!

Мне уж они не пригодятся,
Так пусть ещё послужат срок,
Неутомимые два братца,
Последний раз в них будет прок... —

Поцеловавши клюв разбитый,
Придавши перьям чудный вид,
Погладя когти, боем сбитых,
Фыонг взлететь уж норовит,

Да самородок вдруг невольно
Узрела золота, взяла, —
Чтоб птице памятник сей вольной
Поставить. В ход пустив крыла,

Хотела вверх взлететь быстрее,
Но, как ни машет, – не летит:
«Пустая, может быть, затея?» —
И вновь печальный, скорбный вид...

– Оставь бесплодные потуги...
Все, кто себе хотел взять клад,
Хоть были в том в большой натуге,
Попали с жадностью лишь в ад.

Так, помню, было и однажды,
Когда, стреляя птиц, зверей
Подряд, страдаючи от жажды,
Клан шикунанов поскорей

Воды источник рыскать начал,
А Солнце взлезло уж в зенит.
И, чуть от радости не плача,
На место вышли, что хранит

На дне бессметные богатства,
Ну, а точней, сейчас где мы.
И сразу – дружба прочь и братство,
Пошли лукавство в ход, умы!

И, привязав к кусту верёвки,
В провал спустились, на дно,
Вмиг чудеса явив сноровки,
Как за движение одно

Схватить из клада больше кучу
И, коль уж некуда хватать,
Взлезать все ринулись на кручу,
Вернуться тут же чтоб опять!

Но их тяжёл стал вес; с корнями
Тот из земли куст вырван был,
И снова, шмякнувшись, в яме
Все были вмиг, смиривши пыл!

Такое уж хапуг всех кредо,
Концов не будет им иных.
А честь... То общая победа
Погибших всех и всех живых! —

И самородок положивши,
Пустивши в действие крыла,
Провала много—много выше
Фьонг чрез миг уже была!

Ей с высоты открылась взору
Картина жуткая вокруг
От троеротова разора,
Его бесчинств, звериных мук...

В солдатской форме то маньяки,
Привит им с детства сверхсадизм,
Как псы взъярённые, вояки
Терзают мир. Социализм

Всего им жутче, ненавистен,
Ведь мира он являет суть,
И капитал, страшася истин,
Стремится с ног его столкнуть

И затоптать любым приёмом,
А он плодит их, будто мышь —
То ложь и подкуп, бойня ломом,
Раздор и хаос, шпиков тишь,

Вращенье тайно диссидентов,
Чтоб оппозицию создать,
Тьма на семью, мораль наветов
И диверсантов гнусных рать —

Придать стремится им осёдлость
Везде, куда нацелит глаз,
Экономическая подлость
Всё ищет, ищет брешь и лаз,

Самосознанию народов
Садистский грязный кляп суёт.
Но гордо их ведёт Свобода
К достойной жизни всё вперёд!

Летит Фьонг и, будто зримо,
В руках сжимает автомат,
Теперь ей быть непобедимой,
Очередей обрушит град,

Кося врагов под самый корень!
Летит! И видит в ней народ
Виденье: быть Победе вскоре!
Впадает в ужас троерот,

Такое видя и опеша:
– Вьетнамцы с крыльями?! My god!
Что за народ?! Он просто леший!
И он затянет всех нас в ад... —

И, впавши в панику, стрельбою
Вмиг раздражается, чтоб сбить...
Но, не владея сам с собою,
В укрытье кажет тотчас прыть!

На дно бросается окопа,
Прикрыв затылок парой рук,
Как от земного мчит потопа
В стальной ковчег, задраив люк...

Фьонг летит! И вот уж близко,
Родной до слёз, отважный взвод...
И вот от радости уж тискать
В объятьях встречи стал народ

Её, дивясь превращенью,
Рукой дотронуться спешит,
Смеясь, казали ложь – сомненье:
– Да ты ли? Станный что-то вид...

– А, может, оборотень вражий,
Лазутчик, выследить чтоб нас?
– Держать! Держать её под стражей! —

А сами вновь её рассказ

Внимали с страстным упоением
И крылья гладили не раз.
Отец смотрел же с умилением
На дочку, выросшую враз!..

И гордость, что она настырно
Добилась всё ж своей мечты,
Ласкала душу... – Дочка, смирно!
Марш курс солдатской маяты

Пройти без устали и лени,
Всё исполняя точно, в срок
В бою от страха чтоб колени
Век не дрожали, как листок

От ветра. Знай всему устройство,
Учися целиться, стрелять,
Бежать, лежать. Всё видеть – свойства
Успех приносят, благодать.

Взаимопомощи обойму
Всегда держи, набитой сверх,
И к испытанию любому
Готова будь. Оплошность – стерх

Для птички слабенькой и малой.
Того лишь пуля не берёт,
Кто в бой идёт всегда удало,
Бесстрашно, храбро и вперёд!

Лишь после этой всей науки,
Что день и ночь блюла подряд,
Возьмёшь ты в жаждущие руки,
Тобой желанный, автомат. —

Всё приняла Фьонг серьёзно,
В ответ отцу сказала: – Есть! —
И с потом всё прошла, где слёзно,
Впитала всё. И в том ей честь!

И вот торжественно пред строем
Так командир сказал: – Я рад
Фьонг, бойцу теперь, пред боем
Вручить отмщенья автомат.

Сметай с земли прочь троеротов
И их союзный стайный сброд,

Гони, как мух, от мёда сотов!
Страна, терзаемый народ

Защиты ждут, освобожденья.
Не подведём же их, сыны!
Бои вести на упрежденье —
Закон наш, в этом мы сильны.

Сейчас наш взвод в составе роты
Взять за одну атаку лишь
Обязан пункт, где троероты
Жируют, в рисе будтомышь...

Ясна цель: выбить, закрепиться,
Обратно вовсе не сдавать!
Мы все – народная десница,
Крушить чтоб вражескую рать. —

И вот, подкравшись незаметно,
Огня открыли сразу шквал
И к цели бросились заветной,
Как ярый в бурю моря вал!

И всё б закончилось удачно —
Молниеносен был наскок! —
Да вдруг забил смертельно, смачно
Крупнокалиберный исток,

Потом другой, за ним и третий...
Пришёл враг, видимо, в себя,
И вот уж многих нет на свете
Бойцов, жизнь напрочь отлюбя...

Прижал огонь к земле всех круто,
Живуч он, даже не берёт,
Как заколдованнейший, будто,
И всеразящий миномёт...

Всё! Операция под срывом,
Её уж виден полный крах...
И вдруг, с одним души порывом,
Фьонг, исчез которой страх,

Взяла гранат и мин три сумки,
Стремглав взлетела выше туч
И, прекратить бойцов чтоб муки,
На огнеточки с тучьих круч

Вошла в пике и забросала

Мин градом грозным и гранат,
Их уничтожив, чем немало
В атаку вновь внесла заряд —

Она закончилась разгромом
В прах троеротова гнезда,
Что по войскам их было громом,
С иных слетела вон «звезда»...

Бойцы, взбодрённые победой,
Фыонг хвалили: – Ты кумир! —
Поклон от юноши до деда
Отвесив ей, А командир,

Всё благодарности ей ради
И, позабывши вдруг Устав,
По голове её погладил
И на колено вмиг припав...

Куда, смутясь, не зная деться
От всех нахлынувших похвал:
– Вам от всего спасибо сердца,
Но мой поступок слишком мал

Пред вашим мужеством, отвагой,
И что врага разбили вдрызг,
Что впереди, на два хоть шага,
Шли командиры, видя риск

Врага быть первою мишенью.
Давайте павших всех почтим,
Они достойны, без сомненья,
Среди нас всех, живы почти... —

Сейчас Фыонг страдала больше,
Свой на вопрос ища ответ:
И убеждалась чётче, горше,
Орла понявши вдруг секрет,

Когда свои вручал ей крылья:
Собой он жертвовал в тот миг!
Взлететь ведь мог, собрав усилья,
Один со дна. Но к ней проник

Орлиным чутким состраданьем,
Надежду видя в ней свою,
Врага что будет, всё ж, изгнанье,
И ею тоже. И в бою!

Он это ей доверил мщенье —
Вошла их жажда в резонанс.
К врагам безмерно отвращенье,
Оно к борьбе взывает нас!

Вот потому, взметнувшись в небо,
Боялась только одного —
Чтоб не ушла мощь крыльев в небыль,
Не подвести чтоб всех с того.

И, лишь заткнувши пасть тем точкам,
Вернувшись снова в взводный строй,
Глаза всё прятала платочком —
Лились слёзы так струёй...

Шепнули крылья в утешенье:
– Не убивайся и уймись,
Твоё кипучее паренье
Ввек не отвергнет неба высь,

Пока пылает жизни бурный
Твой, нужный в битвах, огонёк,
Пока враг сыплется сам в урны,
Вдруг получивши твой пинок! —

С благоговеньем крылья холя,
Смывая кровь, сдувая пыль,
Душой тянулась к ним всё боле,
Они ей скрашивали быль.

И кто-то вот, на мысль богатый,
Кому не сунь-ка палец в рот,
С почтеньем имя дал «Крылатый»,
Ввиду имея свой он взвод.

И все одобрили, лучася,
А враг испытывал лишь страх,
Бойцам несло успех и счастье,
Врага ввергало в ужас, в прах,

Да укреплялась оборона
Над ними неба во сто крат,
Что не проскочит и ворона
Сквозь мощь воздушных строгих врат.

Но все усилья были тщетны:
Их патриоты днём и в ночь
Громили насмерть, и заметно
Сдавались те, бежали прочь...

А уж сеульцы-то тем паче,
Ведь, землю предали за грош,
У аккупантов – просто клячи,
А для народа – яд и вошь.

Дрожат они перед расплатой
И, чтоб продлить холуйский стаж,
Ярятся бандою проклятой,
Впав в изуверский, злобный раж —

Авось, оценит их хозяин
Заморский, сэротроерот,
Подкинет, может быть, и заем.
И смотрят, смотрят рабски в рот...

И нет уж Родины у псарни.
Они – орудие в руках.
Плюют на них все сэры-парни,
Добро в заморье пря в тюках,

И чётко дёргают за нитки
Их руки, ноги и язык,
А если вольности попытки, —
Враз схватят цепко за кадык!

Всё это, если осознавши,
Кой-кто из них подастся в бег,
Тот будет, в общем, не пропащий,
А сверхсчастливый человек!

Вновь обретёт в народе брата,
В земле своей – родную мать,
Раскусит сэра—супостата,
Метлой поганой будет гнать!

Им, этим алчным пэрам, сэрам,
Неймётся уж который век
Весь мир прибрать к рукам экстерном,
Пуская в ход кровавый стек.

И всё во имя лишь богатства,
Оно – беспечность, роскошь, власть,
Увеселенья, вина, яства
И право мордой в грязь всех класть.

Но это ввек несправедливость,
Коль миллионы спины гнут,
А кучка лишь, войдя в ретивость,

И обцепив их, будто спрут,
Труда терзают результаты,
Объедки им швыряя лишь.
Вот потому одни богаты,
Другим, с труда их, – с перцем шиш.

Но есть умы и самородки,
Кто этот заговор разгрыз
И указал всем путь короткий,
Как извести мошны всех крыс.

То Маркс и Энгельс – два пророка.
И Ленин, Мао и Фидель.
Нгуен Шинь Кунг, враг соцпорока,
Крушит в Вьетнаме соцбардель,

На душ поникшие былинки
Социализма влагу льёт,
В цветы прекрасные—картинки
Их превращая! И уж вот

Они не мыслят сорняками
Всю жизнь свою прожить подряд,
А с солнцем, с пчёлкой, с родничками
Устроить свой чудесный сад

И всех отменными плодами
Гостеприимно угощать
И засадить всю—всю садами
Отраду нашу – Землю-мать.

Садовник силится, пока же,
Поднять слежавшийся залог,
И время только лишь покажет
Его усилий всех итог.

Но приближать то надо время!
Отвергнув праздность, сон и лень,
Неся без брани это бремя
В жару и в дождь, шквал каждый день.

И это делал беспрестанно
Национальный крепкий Фронт —
Во чреве вражеского стана,
В атаках, шёл когда вперёд.

Гнезвился в душах и в сознание
Прекрасной птицей «Коммунизм»,

Дающей яйца всем познания,
Что враг их – строй «Капитализм».

Фыонг, страны как патриотка,
Не оставалась в стороне
И пред врагом не гнулась кротко,
Верна была своей стране.

Врага разила пулей метко,
Гранатой – многих наповал,
Была успешною разведка:
Враг в ней бойца не узнавал...

Но первый бой всё ж был сумбурен,
Треск автоматов оглушил!
Носились пули дикой бурей,
Всё раскалялся боя пыл!

Бойцы шли строем и ложились,
Ползли змеёй, бегли стремглав!
И каждый был находчив, жилист,
В поступках был законно прав,

Все голоса резки. Коротки,
А кто сразит врага – восторг! —
Его все видят, чую чётко,
Командируя тут же в морг.

Фыонг опешила, не видя
Врага реально пред собой,
Раздражена была, в обиде
За то, другою, ведь, войной

В мечтах себе всё представляла:
Возникнет вдруг пред нею враг,
А, лучше, будет пусть немало,
Она на мушку их и – бряк! —

Лежат, все пулями пробиты.
А тут... Стреляют из засад
И жалят, будто бы москиты...
Сообрази, не наугад,

Куда свой выстрел сделать точно —
На звук иль пламя из ствола,
Иль в куст. К тому же, сделать срочно,
Чтоб цель недвижимой была!

Но это будет, знамо, позже.

Сейчас стреляла наугад,
Иль кто подсказкою поможет...
Вот-те и удали парад!

Была единственной заслуга,
Хоть и решила боя цель,
Когда стремглав на крыльях друга
Взметнулась в небо вон отсель

И уничтожила три точки
Врага кинжального огня,
И командир за это в щёчки
Поцеловал её: – Родня

Теперь ты пороха сухого,
Смышлённость, чудо сотворив,
Успеха будет и другого
Залогом, прочь отбросив миф

О силе этих суперменов,
Что чтят их комикс, боевик,
Героям добрая ты смена,
Ещё отваги будет пик!

Вся подлость лишь тогда в разгуле,
Пока не врежут по зубам,
Нападки будут ввек акульки,
Коль, слаб, плывёшь ты по волнам...

Она набросится из мрака,
День—ночь не снимет балаклав,
Всегда—всегда сверхзабияка,
Коль нет свидетелей, их прав.

И мы должны известь заразу —
То оккупантов злобный клан,
Тугой набросить, крепкий сразу
Всеудушающий аркан!

Земля то наша век от века —
Наш благодатный край – Вьетнам.
Вампиров нас не льстит опека,
Дела внутри вершить лишь нам!

Кто добр, к тому гостеприимны,
Но не приемлем ложь и гнёт.
Друзей звучать лишь будут гимны
У нас при встречах. Кто же прёт

На нас с агрессией кровавой,
Всё разметая, жизнь губя,
Того сожжём, раздавим лавой
Отпора, сбросивши с себя,

Как наши делали то предки
И завещали на века,
Вот потому из рабства клетки
Взмыть прочь – надежда велика! —

Так командир внушал густою
Им речью суть вещей, призвав
Несправедливые устои,
Что не дают им в жизни прав,

Снести навек до основанья,
Построить новый, светлый мир
Без кабалы, мук и страданья,
Где справедливость – всех кумир.

И у Фьонг при слове «предки»
Возник вмиг в памяти опять
Тот случай, был что с ней в разведке,
Что у души уж не отнять

Всем временам быстротекущим,
Забвенья пылью нет, не скрыть,
Когда, зашедши в леса гущи,
И взвив вниманья тут же прыть,

Она узрела на поляне
Вовсю пылающий костёр!
Вокруг него, как бы в тумане,
Иль кто—то чёткость будто стёр,

Как приведенье, колыхалась,
Как испаренье, тьма людей,
Но не росла их речи завязь,
Как будто смысла нет, идей...

Но были в латах все и в шлемах,
Их атрибут – копьё, лук, меч,
Они войны тянули лемех,
Кого—то звали всё на сечь

С врагом коварным и жестоким!
Их страшен в битве был напор!
Успех подвластен только стойким
Душой и телом с давних пор.

Врага рубили и кололи,
Пронзали стрелами насквозь,
На поле боя нету боли,
«Врага истли и в бездну сбрось!» —

Взывали все они беззвучно
И, вдруг узрев её, все к ней
Взор устремили ясный кучно,
Тем испугав Фьонг сильней,

Чем выстрел вражеский над ухом,
И протянули все ей меч,
Как бы воззвав, собраться с духом
И на врагов их вмиг налечь.

Взяла Фьонг меч машинально,
Не удержала, он упал...
Ей вновь они дают навально,
Но, видно, сил запас так мал,

Что вновь она меч обронила...
И в третий тот же был итог.
Взгляд укорил их: «Что—то хило...» —
И слёз Фьонг полил поток...

Когда же веки разомкнула,
Была поляна уж пуста...
Ни голосов, шагов нет, гула...
Но меч лежал – явь! – у куста.

И был тяжёлым он и длинным,
Что без него пришла во взвод.
А был народным он, былинным,
Переходил из рода в род.

– Эх, подвела... – Фьонг, страдая,
Смутясь, закончила рассказ... —
Но командир подбодрил: – Дай я
Всем растолкую этот сказ!

То были предки на поляне,
Тебя зывали им помочь,
Чтоб страх был, ужас в вражьем стане,
И натиск наш вон гнал их прочь!

Да, меч тяжёл, и в одиночку
Им не взмахнёт никто сплеча,
Хоть сил возьми сто раз в расщелку,

Но не поднять и ввек меча.

Совместный натиск всех усилий
И будет действенным мечом,
Его подвластен будет силе,
Пойдём когда к плечу плечом.

Куётся меч теперь из сплава
Единой партии родной,
Дающей души жечь ей право
Правдивым словом, за собой

Вести народ сквозь чащи терний,
Идя всегда лишь впереди,
Партиец – друг, соратник верный,
За ним везде всегда иди!

И к сплаву этому примешан
Крестьянства вечно тяжкий труд,
Всех не накормит, будет грешен.
Ему так хочется из пут

Феодализма вырвать душу!
Вот потому вошёл он в сплав:
«Я в сплаве этом быть не трушу,
Мечом добуду кладезь прав!» —

И в сплав вливается опасный
Подполья тайный, грозный бой,
Развеять дабы день ненастный
Прочь над народа головой.

И совместимым элементом
В сплав влился творческий весь класс,
Он стал прочней с интеллигентом,
Интеллигент – опора масс.

И сплаву, точно, даст лишь прочность
Бесстрашье, мужество бойцов,
Атак их яростных, пуль точность,
Любовь к стране сынов, отцов.

Добавит сплаву, без сомненья,
Твердь молодёжи, пылкий ум —
Дел наших бурных продолженье,
Направь лишь, чтобы наобум

Не шёл, влезаячи в оплошность
Из-за шараханья вкривь—вкось,

А подбодри его дотошность, —
И не пойдёт уж на авось.

И вот из этого—то сплава
Рабочий выкует тот меч,
И всем творцам его ввек слава,
Они врагов им будут сечь! —

И дали тут бойцы все клятву,
Что меч не выпустят из рук,
Побед в борьбе умножат жатву
Под сердца пламенного стук.

С Фьонг, бельё как, тяжесть слезла
Сомнений смутных, грех вины,
С бойцами клятву ту железно
Дала отца дочь, дочь Страны,

И вновь ходила на разведку,
Минуя ловко все посты,
В бою была спокойна, метко
Стреляла, видя сквозь кусты

Где враг засел, себя скрывая...
И вот в один жестокий бой,
Когда бойцов передовая
Вперёд, вперёд стремилась строй,

Вдруг наскочила на Питона,
Он кольца резко вил и вил,
В глазах был ужас, нет лишь стоны,
Шипел лишь, будто мир не мил...

Врага то пух злодейство было,
Оно и корчу принесло...
Слезами раны все обмыла —
Печали вечной ремесло —

И, положи на них листочки,
Что показал ей раз отец, —
Вдруг пригодятся милой дочке! —
Она лианой, будто спец,

Их обмотала аккуратно,
На каждой сделав по узлу,
Умело было всё, опрятно —
Наперекор шальному злу

Опали кольца у Питона,

Исчез в глазах враз жуткий страх,
Два благодарности поклона
Ей сделав, был чрез миг в кустах...

Отец то видел зорко, чётко —
В боях её он страховал:
Добра к всему была сиротка!
Но вслух обрушил речи вал:

– Похвально это, без сомненья!
Но при спокойных временах.
А в гуще ты сейчас сраженья
И в бой летишь на стременах!

Но ты сейчас в строю – прореха,
К тому ж, врага немало групп
Везде разрозненных, помеха
Ты им, а верный, значит, труп...

Тобой оставлен без прикрытья
Боец, стремящийся вперёд.
Его сразит враг из укрытья,
И многих ждёт такой черёд...

Всё потому, что дисциплина
Вдали плетётся за тобой...
Её отсутствие – в нас мина
И, может, полностью убой.

Вперёд идём без промедленья
В едином, яростном строю,
Победным будет нам сраженья
И власть народная в краю.

Не раз потом Фьонг краснела,
Как будто вечен был укор,
В глаза смотрела всем несмело,
И речи чувствовался мор...

Но с той поры не отвлекалась
На постороннее в боях,
Лишь после них являла жалость
К всему, кто был в плохих ролях...

То вновь в гнездо положен птенчик,
Подвязан будет где-то куст,
То воскрешён цветочка венчик —
И всё с любовью к ним из уст!

И помощь сразу – населению,
Чтоб возродить отградный быт,
По сердца чуткого велению,
Врагом коль быт ислён, разбит...

VI

И Ветеран-отец гордился
За дочь, лелеял и берёг,
Делился с ней щепоткой риса,
Опорой был среди дорог;

Бойцам сестрой была родною,
Восторгом радостным для глаз...
Хотя была совсем седою,
Но чудом дивным, без прикрас!

С ней в бой идти всегда смелее,
Она как совесть, ратный клич,
Чтоб, жизни каждый не жалея,
Врага в медвежий взял бы клинч!

В глазах её чтоб отличиться,
Они в атаки шли стремглав,
Светились радостью их лица,
И вражий брали вмиг анклав!

Так и однажды это было,
Звучал победный их восторг!
...Не чуял каждый, что могила
Ведёт неравный с жизнью торг...

Была подлейшей то ловушкой —
Победа лёгкая их здесь,
Они попали в сети мушкой,
И враг-паук, взвинтивший спесь,

К ним подползал напиться кровью
Из многочисленных засад,
Себя хваля за ум с любовью,
Готовя бойни дикий ад,

Создавши в силах превосходство,
Донельзя этим бывши рад,
За что чинов, мол, руководство
Им даст сполна и тьму наград.

Пришлось бойцам с поспешной прытью
Из-под удара улизнуть,

Из добровольцев сбив Прикрытье,
Чтоб замести отхода путь...

Прикрытья тают уж патроны,
Ведёт оно тяжёлый бой,
От пуль всё чаще стали стоны,
А их вокруг – взъярённый рой!

И враг злорадно уж смеётся
И вяжет, вяжет всех подряд,
Знать, не видать им боле Солнца,
И смерть уж дышит на ребят,

И ночь зашторивает взоры,
На землю тьму кладёт внавал...
– С утра мы с вами разговоры
Уж поведём... Устроим бал

Преразвесёленькой потравы —
Извлечь из вас, где штаб есть ваш! —
И извергают снова лавы
Ударов, в дикий впавши раж...

И лишь один не ткнут и пальцем,
Он, разулыбя криво рот,
Всё смотрит гоголем, не зайцем...
Когда же стих вдруг пулемёт

Последний храброго Прикрытья
И редкий был уж автомат,
Помочь бойцам лишь можно прытью,
Примчав патронов и гранат!

Вот потому оперативно
Дал батальонный командир
Приказ – доставить быстро дивно,
Пока в иной не пали мир!

Фыонг взялась за это смело,
Порыв оправдан, верен, прав,
Ведь лишь она одна умела
Мчать на задания стремглав!

Боеприпасов понавешав,
Взвила, взмахнув крылами, ввысь!
А вокруг ночи тьма, будто леший,
А звёзды даже не зажглись...

Ей сердце, чуткость, состраданье,

Скорей, указывали путь,
Чтоб с честью выполнить задание
И вспять бойцов – живых! – вернуть.

И оттого она уж скоро
Была у цели, но узря,
Что все они уж в лапах своры
Врагов, шепнула с болью: «Зря

Мои усилия, слишком поздно...» —
За куст припряталась – молчок! —
И из него глядит преслѣзно:
Там за щелчком хлыста щелчок

В тела врезались пленѣнных,
Но нет ни стога их, ни слѣз —
Злодеев так презрели оных,
Как будто свинский те навоз,

В нём копошился червем гадким
Тот, не был кто и пальцем ткнут,
Зато в спесивом был припадке,
Какой умѣн-де он и крут,

Что план вьетконговцев был сорван,
И в пытках штабу будет крах,
И он отхватит «баксов» прорву
За смерть бойцов, их скорбный прах!

Как ловко влез он в их шеренги
И вот накинул уж аркан...
А всё за деньги, деньги, деньги,
Пробратсья чтобы в высший клан,

Чтоб на него все гнули спины,
А он блаженничал всяк день,
И били спины те дубины
Его – на то ему не лень!

И трудовое к чѣрту братство —
Ему служить лишь богачам —
Во власть ведѣт всегда богатство,
Богатство, власть – бальзам очам!

«Таким, как я, у троеротов
За службу им – деньга, почѣт;
Они спецы переворотов,
А их и войн – не в пересчѣт...

Как оспа – базы их повсюду,
Имперский гонор, наглый взгляд,
И страны бьют, как бьют посуду,
Разбой внедряют, ложь и яд.

Вот потому и богатеи,
На мир насели, кровь сосут...».
– Вас ждут весёлые затеи:
Нрав троеротов тих, не крут! —

Уж вслух сказал бойцам предатель
И сунул им жетон под нос
Агента тайного: податель
Его приспешник был и пёс.

Ему тут дали приказанье,
Чтоб штаб вьетконговский найти,
Неисполненье – наказанье!
И псом он тотчас был в пути...

«Опередить!» – Фьонг влетела,
Неслась стрелой сквозь ночи ад
Без капли устали и смело,
Примчала тотчас в штаб доклад.

И меры приняты для встречи
Агента подлого врага,
Оперативно – напрочь речи! —
Бойцов ведь жизнь всем дорога.

То понял Тигр, ведь ум отличный:
В беде, в беде его друзья!
Прыжками мчал уже привычно
По следу их – его стезя!

Охрану сбил поочерёдно,
Загрыз – туда дорога им! —
Рвал путы. И бойцы свободно
Все обнялись друг с другом, с ним!

И быстро, молча друг за другом
Пошли за Тигром, водрузя
Тех, с ран которым было туго,
На зверя спину: – В путь, друзья!

Вдруг штаб разнохает предатель?
Не избежать тогда беды!
Тогда могилы всем копайте... —
Его ж простыли уж следы...

Чутьём каким—то штаб разноухал...
На то и псинища он, пёс!
И уж командованию в ухо
Брехал взахлёб и лживо пёс,

Что-де Прикрытья нету боле,
В живых остался он один,
Страдает он от этой боли,
Но он судьбе не господин...

Скосил он уйму троеротов,
Был в штыковой – взъярённый бык!
Прикончил тьмищу танков, дотов,
Патроны кончились – кадык

Врага его хватали руки,
Живьём швыряли к чёрту в ад!
Какие нёс в борьбе он муки!..
И вот теперь своим он рад. —

Так лгал, конечно, он бы долго —
На то и подлое вражьё!
Но шум в лесу! Веленье долга
Призвало встать всех под ружьё

И быть готовым для отпора!
Псу тоже дали автомат.
Волнение ж стихло очень скоро,
Когда узнали все ребят —

Бойцов – товарищей Прикрытья,
Ведомых Тигром через ночь...
Ах, это чудное событие!
Печаль умчала сразу прочь.

– Но то нечистая уж сила! —
Вскричал предатель, ошалев, —
Их изрыгнула вспять могила! —
Рванулся к ним, как ярый лев,

И застрочил из автомата,
Скосить их чтобы, как траву.
Но шли... Идут вперёд ребята!
И то не сон, а наяву.

Уж пуст рожок стал быстро первый,
Другой был вставлен вмиг вослед...
Идут!.. Идут всё! – Сдали нервы,

И чуя, что спасенья нет,

Он заартачился, кривляясь,
Унизить враз желая всех:
– Вы кислой жизни вечно завяжь,
Подстилка, вам ли из прорех

Да понапялиться во фраки,
Удел ваш – голод, горе, вошь...
Вам спустят с гор богатство раки,
Вам горло режет доли нож...

А я богат, в карманах баксы,
Да и за пазухой – сполна,
Похлёбку пьёте вы из ваксы,
Накроет вас судьбы волна! —

Молчат суровые мужчины,
Их мысли скачут средь голов!
И хоть уверен он в кончине
Своей, расстаться не готов

Не то, что с баком, даже с пенни,
А потому себе их в рот
Пихает жадно и без лени,
И уж от них раздут живот,

Как брюхо макси—бегемота,
И вдруг с натуги лопнул – Трах! —
И на куски! И всем охота
Сгрести быстрее и сжечь в кострах.

Что и исполнено брезгливо.
И все дивились на ребят:
– Что, пёс стрелял так косо—криво,
Что вас не срезал, как опят?

– Ну, и стрелок он, ну, мазила... —
На что улыбку командир
Свою скрывал невинно—мило
И тайно праздновал свой пир,

Ведь эти речи всех – пустые,
И нету в промахах вины:
Патроны были холостые!
Заране все заменены

До пса поганого прихода
В обоих тщательно рожках,

Чтоб не усёк ловушку—шкоду,
Себя вновь выдал и в руках

Уж был законно Правосудья,
На что и сдох, как мерзкий клоп.
В рядах бойцов уж нет ублюдья.
Чисты, врага бьют снова в лоб,

Не ждя подлейшей пули сзади!

VII

Фыонг от них не отстаёт
И за народ, Свободы ради
Идёт решительно вперёд!

Ну, а бойцы, в боях что раны
Вдруг получали иногда,
Её заботы и охраны
Не знали лучше никогда.
Кто без сознания, – отыщет,
Из боя вынесет всех в тыл.
Её забота – жизни пища,
А голос, взгляд – до слёз всем мил...

И вот в бою одном однажды
Боец, израненный, упал,
Струилась кровь из ран и жажда
Его пронзала сотней жал...

Он молод был и одногодок
С ней, храбрым, смелым слыл в бою
И не искал себе в нём брода,
Чтоб жизнь спасти, трясясь, свою.

Но до безумства одержимым
Мечтою жил – быть средь небес! —
И верил в то несокрушимо.
Всегда глазами в небо лез,

Когда армады самолётов
Над ним летели, зла полны, —
Вьетнам бомбить с баз троеротов,
И их встречали сверхорлы

Отважно – лётчики Отчизны,
Вступив в неравный сходу бой,
Не зная страха, дум о жизни,
Вцепясь в манёвры с головой!

И бомбоплюи, как попало,
Швыряли свой опасный груз...
И вспять армада та текала,
Трясаясь за жизнь, – как гнусный трус...

В такой момент боец аж трясся,
Желая взмыть ввысь в тот же миг,
Очередей – за трассой трасса —
Дать по врагу! Но с стоном ник:

Земное давит притяженье,
Взмыть не даёт, как не спеши,
И все воздушные сраженья
В мечтах лишь, горечью души...

И он ходил всё, тих, понуро
И ничего не замечал,
Смыкались брови с горя хмуро,
Печаль брала – плохой причал...

Вот он—то был в бою том ранен
И без сознания лежал
К врагу лицом на поле брани,
Свалил его огня кинжал...

Вот так к нему, к другим как, – спешно
И подползла Фьонг в тот миг,
Забинтовала вмиг, конечно,
И в лазарет бы напрямик!

Да приоткрылись слабо щёлки
Его бессильных, с дрожью, глаз...
И – диво! – на руки девчонке
Слеза мужская пролилась...

И вновь в беспамятство он канул
И был безволен, как мешок...
Неужто смерти он аркану
В свой болевой от ран всех шок

Поддался, – не было что сроду! —
Вон напрочь волю приглуша, —
И это в юные—то годы! —
Но нет! Сильна его душа

И организм, и он в сознанье
Пришёл опять, суха слеза,
И губы с слабым замираньем

Шепнули: – Дивные... глаза

Твои... какие! – Моментально
В сознание врезалась стрела...
И по глазам вдруг машинально
Своим рукою провела

Она и густо покраснела,
С укором лишь сказала вслух,
Молчи, мол, видано ли дело
Шутить, когда здесь боя дух!

Потом, в тиши уж, после боя,
Осколок зеркальца сыскав, —
– Ну, вот и скажет же такое, —
Шепнула, – В смерти ж был тисках!..

Сама ж была безумно рада,
Что одолел он смерть и жив!
В душе – неясная отрада
И чувств неведомых прилив...

Быть может, выплеснет он счастье
И не слизнёт в момент опять!
И вновь в боях – её участие,
Его – здоровья набирать.

Вот после тяжкого сраженья,
Когда кромешный боя ад
Бойцов, врага бросал во тленье,
Дарил успехов ли каскад,

С себя чтоб снять вон напряжение
Его, Фьонг пошла к ручью,
Заране чуя наслажденье
От струй его: «Нырнуть хочу!»

Ступая мягко, по привычке,
Спустилась вниз, – где блажь воды,
Вокруг порхали, пели птички,
Как—будто нет вокруг беды...

Стремили губы к вод прохладе
Даль перехода, боя ад.
Не сняв «Калашникова», – клади,
Вперёд зовущей, не назад,

Она к воде припала страстно,
Не осаждая пыл глотков.

Картина эта распрекрасна,
Из мирных будто бы годов...

Все изумлённо стихли птицы,
Стреножил ветер прыткий нрав,
Сквозь полог туч лучи—ресницы
Тепло коснулись девы, трав...

Красы невиданной доселе
Расцвёл сухой, корявый куст,
Туманы в росы все осели,
И рос на деву взор не пуст...

И не память чтоб – как то можно! —
Влюблённый взор не отводя,
Держа в ладонях осторожно.
Склонилась, мать как, над дитя

Над ней Вселенная—создатель
Всего и вся на разный вкус,
Забыв, что дикий пожиратель
В ней скрыт и бешеный укус...

О гимн Прекрасному! Ты вечно
Пленяешь души и сердца,
Восславив то, что человечно,
Его возвысивши творца.

Звучи от сердца, патетично
О поцелуях с влагой губ!
А прозвучишь, звучи вторично,
Взвей торжество фанфарных труб!

Вот утоливши жажду страстно,
Как благодарная душа.
Она ручью поклон прекрасный
С почтеньем дарит, чуть дыша...

И тот в ответ ей тоже ласку:
Порыв души в любви велик!
Но вдруг смущенье деву в краску
Ввело: в нём свой узнала лик...

Волна его чуть колыхала,
Красы боясь нарушить рай:
«Цветите, губы ало—ало,
Гори, свет глаз и не сгорай,

Цветы приколоты, не вяньте,

Ярки на фоне вы волос,
Глаза – в ресниц отменном канте...
Откуда, Диво, ты взялось?!

...В душе смотрящей зреет буря,
Волнует сердце мыслей новь:
«Ужели я?» – глаза зажмурия,
Открывши, видит... тоже вновь!

Да! Это ты, красы цветенье
В чудесной прелести, во всей.
Восторг тобой – в природы пенье,
Сомнений горечь прочь отсей!

Вот так приходит час бутона
Цветком—красой явиться вдруг!
Не отменял никто закона
Природы – вечен жизни круг.

Но дева спешною рукою,
Смутясь, разрушила тот лик,
Хоть краску щёк своих не скроя,
Так стыд свой пряча от улик...

Затем внимательнейшим взором
Окинув всё вокруг себя,
Не запятнаться чтоб позором
И честь, порядочность любя,

Освободилась от одежды,
Вступила спешно в лоно вод —
Осуществление надежды —
И вот она уже плывёт,

Отраду грудью рассекая,
Лицо лучит от милых брызг,
И вся счастливая такая,
Тихонько впавши в детский визг!

Ну, а боец, глаза назвавший
Таковыми дивными её,
Конечно жив, в бою не павший,
Хотя зловеще вороньё,

Галдя, над ним уже кружило...
Восстановительный он курс
Всё проходил, невольник тыла,
Что тяжелее всех обуз

Бойцу, живущему борьбою.
А ей претит всегда ничья!
И как—то так, само—собой,
Гуляя тихо вдоль ручья,

Он шум услышал в нём и всплески...
И, чуть раздвинув куст рукой,
Вмиг встрепенулся – повод веский,
Картины видел ли такой?

Плыла большая гордо птица,
Восторг души, отрада глаз.
Куда, зачем она стремится,
Да и откуда тут взялась?!

Не раз гулял ручья он мимо,
Но дива что—то не видал...
И как названье птицы – имя?
Но от догадки стал вдруг ал:

В лицо стыда плеснулась краска,
И он отпрянул от куста
Со сверхпоспешностью, опаской,
Что совесть станет не чиста —

Тайком подглядывать за девой...
«Что за лебедушка! Ах, стать!
Фьонг, ты, просто. королева...
Что глаз вовек не оторвать!

Как удлиняют шею пряди
Белейших шёлковых волос...»
И... вновь стремится свой взор к отраде!
Но нет её уж... Вот вопрос!

Куда девалось виденье?!
Как пеленою скрыл туман...
– Здоровья, вижу, пополнение!
Как хорошо—то, Фам Туан! —

Да, так бойцы его все звали. —
– И ты покинешь скоро тыл! —
И вмиг, как полог из вуали,
Накрыл её, и след простыл...

Знать, заподозрила проказу...
О, да! Он встал чрез день уж в строй
И, повинуюся приказу,
На Север отбыл он родной,

Ведь командиры тоже люди:
Зачем губить его мечту,
Пусть в небесах сражаться будет,
Неся боёв в них маяту!

Был путь «Тропою Хо Ши Мина»,
Но мысль терзала: «Может, трус
Я? От боёв бегу? До тына
Перед опасностями гнусь?» —

Но цель тянула, как магнитом,
И растрясла ту мысль езда...
И был в полку он крепко сбитом,
Чьё имя – «Красная Звезда»!

Его прикрыл щитом народный,
Коммунистический Китай:
Чтоб жизнью жил Вьетнам свободной,
Сбивай врага, стремглав летай!

И Фам Туан сдружился с «МИГом»,
То был союз-конгломерат.
Не быть Отечеству под игом,
И, троерот, дрожи, пират!

Туан подъёмной силы силу,
Мгновенность действия рулей
И веру сильную в турбину
Познал, врага чтоб бить сильнее —

Так дух неистов был и львиный!
Умел мишень взять на прицел,
Чтоб укротить вон нрав звериный,
Да сам бы был, при этом, цел.

Небесный фланг бойцов Свободы
Его радушно принял в строй,
И даже дальние народы
Узнали вскоре: он – Герой!

Он декабря двадцать шестого,
Когда в затылок тот дышал
Уж декабрю двадцать седьмого,
За сверхманёвр, мгновеньем мал,

«Б-52» сбил! Тот зловеще,
Под балаклавой ночи, шёл,
Бомбить Вьетнам чтоб хлеще, хлеще,

Тянувши бомбы, будто вол...

О землю грохнулся и – крышка!
Вон испустил поганый дух...
Вьетнаму это – передышка,
Без слёз хоть день, но будет сух.

Сияли взрослые и дети,
Звучали кхены, бил всласть гонг!
Не будут сечь нас рабства плети,
Бойцы сияли и Фьонг!

Но коль одна. во власти ночи,
Лицо уткнув в циновку, вдруг
Слезу её катили очи,
Тряслися плечи с тайных мук...

Но коли в бой шла и в разведку,
Где твёрдый шаг и меткий глаз,
Их запирали крепко в клетку,
Стараясь выполнить приказ.

А после... можно и мечтанья,
Что вот такой наступит день,
Когда все кончатся рыдания,
Тогда, уж будь добра, надень

И покрасуйся в аозае
И в туфлях чудненьких пройди!
«Ай, да Фьонг! – чтоб все сказали, —
Спеши! Вон счастье впереди».

VIII

Ну, а пока – сражений вихри,
Что и не снится всем покой.
Чужды Свободе, – чтобы стихли.
Вот в бой кровавевший такой

Один из банды троеротов

Вдруг добровольно сдался в плен.
С ним на допросе поработав
И приказавши встать с колен,

Допрос оформили, как надо,
Узнали званье и как звать —
Из речи быстрого каскада,
Его отец кто и кто мать

И массу сведений военных,
То не ловушка ли, не шпик?
Нет тайн от взоров наших бденных!
Стоял он гордо, не поник

Как—будто радуясь плену,
Как—будто в нём отрада есть,
Не гнал слезу и нюней – пену,
Чтоб жизнь спасти. Но знал он честь!

В глазах порядочности отблеск,
Стоял спокойно. Не трясась.
А был прямым он русских отпрыск.
Видать, пред шукой не карась!

И выпирал повсюду мускул,
Видать, он в схватке богатырь,
И всё при нём и скроен русско,
Видать полёт природы, ширь!

Был в состоянье помраченья
В бою от ран его отец
В сороковых и в заключенье
Попал к фашистам, наконец,

Потом в прекрасный День Победы
Был интернирован в страну,
Что смерть несёт Вьетнаму, беды
Сейчас, весь мир стремя ко дну.

Там, в Троеротии, женился,
Работы так и не нашёл,
Жизнь – на помойке будто, – крысья,
Ни крова, хмур, голоден, зол...

– С того не стало больше предков...
Наследство – бедность. Сирота,
Как и они, искал объедки,
Не жизнь – сплошная маята.

Бежать! Бежать в другие страны.
Но нету денег ни шиша.
Гнетут отчаянья бураны,
Для них, как мяч, моя душа,

Того гляди, влетит в ворота,
Вратарь где – жаждущая смерть,
И жить уж стало не охота,
Судьбы жестоко хлыщет плеть!

Жизнь – хуже драннейшего мопса,
Могильный ближе виден вал...
Но тут пропел всем как—то Робсен,
И мне надежду всё же дал

Быть «полноценным человеком»:
Советский даст всегда Союз!
И стал душой я не калека
И не отброс уж и не гнус.

Стремясь в страну попасть ту – Диво,
Я стал наёмником, но здесь
Я «воевал» лукаво, лживо,
Вон отменяя зло и спесь,

И всё ждал случая, момента,
Переметнуться чтобы к вам,
Уйти из подлого вон света,
Ведь боль он честным головам.

Я палачом его не стану,
Он мне и вам – ввек кровный враг,
Дам вам защиту и охрану,
Над вами чтоб развеять мрак —

То слово русского Ивана,
Не подведу, я не пижон,
Не троеротова я клана,
Иван! Иван я, а не Джон.

И вам, и мне один стремиться
Пройти тяжёлый в битвах путь,
В Победный час взмыть вольной птицей,
Вон расклевавши гнёта жуть. —

Тут речь закончилась насильно:
Напал, подкравшись, подлый враг,
Из всех орудий бил он сильно
И всё наращивал кулак...

Бойцы устроили защиту
Все круговую чётко, враз.
Но быть врагу – их цель – побиту!
В атаку масса поднялась!

Иван, сей массой увлечённый,
Схватил свободный автомат,
Никем в пылу не уличённый
(Так думал он, тому был рад!),

И мчал в атаку уж со всеми,
Отважно, только напрямик.
Знать, чести он ядрёно семя,
Хозяин слову не на миг.

И троероты побежали,
Бросая технику, тела,
Страшась, в неведомые дали!
Аль жизнь ценна им и мила?..

Всех командир за то поздравил,
Взгляд на Ивана обратя:
Всем пленным свод есть чётких правил.
То ж для Ивана был. Хотя...

Он был под чёткою опекой
И под контролем каждый миг,
Ведь, рядом был боец с ним некий,
Держась спины его впритык.

Так и остался в батальоне
Иван, себе сказавши, всем:
– Пока Вьетнам в страданиях, стоне,
Отправить – в просьбе, буду нем

В Союз, в желанную Россию.
Бороться – долг всегда со злом.
Смести с Земли вон Вампирию —
Всегда идя лишь напролом! —

Он был во всех сраженьях, схватках,
А их, как ран, не в пересчёт,
Бывало горько, но и сладко,
И уваженье и почёт

Он заслужил вполне законно,
Да, жаль, однажды в взрыве мин
Погиб. Желаннейшее лоно

Так не узя, его картин...

Когда же в скорбный путь, последний,
Его собрались проводить,
Был как живой он и не бледный,
К нему, как будто крепко нить

Пришла жизни сверхживучесть,
Держал так цепко он «АК»,
Его отнять – была лишь участь,
Но командирская рука

Такой порыв вон охладила,
И патетично он изрёк:
– Всегда за ним смотрел он мило,
Любил, как друг любить лишь мог,

Ему России был частицей,
И пусть останется навек, —
И горсть земли на гроб – десницей, —
– Прощай, наш друг и Человек!..

Твой автомат нам – не потеря,
Мы отобьём их у врага,
В Победу нашу твёрдо веря,
Его взметнувши на рога!

IX

И смело вновь его взметали
В кровопролитнейших боях
За честь Страны, не за медали,
И жизнь в родных своих краях.

В одном из них Фьонг, случайно
На троерота наскока,
Хотела способ чрезвычайный
Уж применить, как встарь, – сплеча!

Но он был ранен очень тяжко,
От крови хлыщущей весь ал,
Таким был кротким, разбедняжка,
И очень жалобно стонал...

Взывал и к богу он и к «Mather»,
Катили слёзы в три ручья...
– Ах, миру подлая зараза!
Жизнь не свята тебе ничья.

Что! На своей узнал ты шкуре
Всю боль тобой чинимых бед?
Чинить всегда – в твоей натуре.
Теперь от наших вот Побед!

Жаль, нам не велено всех пленных
За зло кончать на месте враз!
Неси, теперь вот, здоровенных,
Корми, десерт дай – ананас...

Взвалила на спину, натужась,
Таким он грузным был, тяжёл,
Что не дотащишь... Просто ужас!
Но надо. Пёрла, будто вол...

Но на неё вдруг понаесли
Два троерота, сбили с ног...
(Групп всех разрозненных доселе
Разведотряд найти не смог).

Ей крылья напрочь оторвали,
Чтоб ввысь ей больше не взлетать!
За ней охотилась, за кралей,
Вся троеротовская рать.

Она была неуловима
И наводила их на страх,
Летя хоть даже где—то мимо,
Мечтали сжечь, развеять в прах!

Теперь она в плену и в пытках
Должна им тайну всю открыть,
Вьетконг откуда бьёт не жидко?
Да, да! Откуда мощь и прыть?

Приволокли её и – в яму,
Для тигров что была – сюрприз,
Швырнули сходу, грубо прямо,
И полетела тяжко вниз...

Ну, и поставлена охрана.
А вокруг уж тьма, страшила ночь...
Допрос начнётся утром рано,
Ведь троерот поспать не прочь!

Сидит Фьонг на дне и клятву
Что не раскроет в пытках рот,
Не даст собрать злодеям жатву
Каких—то сведений, даёт!

Вдруг слышит хруст, потом паденья
Чего—то на землю... Опять!
Несёт охрана, может, бденье,
Ведь, до утра ей всё шагать...

Но вдруг ей талию, как пояс,
Жгут толстый крепко обхватил!
Она же, вздрогнув, беспокоясь,
Вон привлеча немало сил,

Стремится сбросить наважденье!
Но тщетен был её успех...
Вдруг поднял кто-то в сверхмгновенье
Её легонечко наверх!

К лицу приблизилась морда,
И пояс с талии пропал...
«Ну, всё! – уверовала твёрдо, —
Попала в смерти, видно, трал...

Глаза недвижные, шипенье...
Ползёт витками всё по ней,
Бросает в дрожь прикосновенье...
Дрожит Фьонг, да всё сильнее!

«Так умереть... Какая жалость! —
И с уст слетает тяжкий стон... —
Постой! Постой!» – вмиг догадалась,
Спасённый ею то Питон!

– Да, я почувствовал опасность,
Тебе грозящую всерьёз,
И ты сама – за эту ясность.
Чтоб избежать мучений, слёз

Твоих, решил, мой исцелитель,
Ползти за вами тайно вслед...
Вот так и прибыл в штаб—обитель
Врага, в котором чести нет.

А дальше – техники лишь дело:
Поочерёдно горло всем
Сдавил. Охрана стало – тело,
Ну, неопасная совсем.

Затем в зёв ямы я поспешно
Свой понаправил длинный хвост,
Ну, и за талию, конечно...

Подъём был лёгок, быстр и прост.

Друг другу высказав признание
За помощь в трудный жизни час,
Тепло прижавшись на прощанье,
Они исчезли оба враз!

Прибыв к бойцам в расположение,
Они ей тут же вмиг вопрос:
– Где боевое оперенье? —
И гнев к врагу их грозно рос...

– Ну, ничего! – ей в утешенье, —
Не тужит пусть твоя душа.
Ты и без них, как украшенье,
Ты и без них, верь, хороша!

И Ветеран—отец особо
Был рад её увидеть вновь!
И обнялись в слезах вмиг оба...

Х

Вот так, всю жизнь, судьбу воловь, —
Она и радость и подножка:
От них вовеки не уйти.
Забудешь горе понемножку...
А к счастью сам стреми пути!

Так и в борьбе: Успехи! Срывы...
На то есть множество причин.
Коль неуспех, – в душе нарывы,
Успех – вон с плеч все кирпичи!

Так и с отцом, бойцом бывалым:
Его всё пуля не брала,
Ходил в атаки без забрала!
И вдруг! Кровь брызнула, ала,

Вон из его большого сердца,
К земле родимой он припал,
Чтоб напоследок наглядеться,
В гробу обзор, ведь, будет мал...

– Вы не печальтесь, не скорбите,
Не плачь, моя родная дочь.
В борьбе на верной вы орбите,
И мук сомненья в этом – прочь!

Желаю славных вам успехов,

Чтоб был Свободы скор приход.
Моя в строю смерть – не прореха,
Её заштопает народ.

И всяк в Свободной – и Единой! —
Стране такую жизнь начнёт:
Счастливой, полной, долго—длинной
И сладко—сладкой, будто мёд!

Врагу за войны нет прощенья!
Учуёт только, что ты слаб,
Вилять хвостом не будет щенным,
А вмиг примчит со всех злых лап,

Чтоб растерзать в клочки зверюгой,
Загнать всех псами в конуру,
Рассорит, грызть нацелит друга,
Возненавидя; кобуру

Всегда оставивши открытой,
В обойму власти – свой агент.
Сам – яства есть, а вам – корыто,
Ну, а за хрюканье в момент

Его вон выбьет из—под носа,
По спинам – свищущая плеть!
За зло с него не будет спроса,
Вы ничего, он – всё иметь.

Вот чтобы не было такого,
Нам славный вождь наш Хо Ши Мин
И КПВ создал – обнову,
Отраду душ, не горбность спин,

Пророка будущего счастья,
Вдаль Полководца наших душ
И маяка среди ненастья,
Тепло отградное средь стуж

И безупречнейшую совесть
Во всём, везде и навсегда,
Наш путь прямой вперёд лишь, то есть.
Без КПВ нам – никуда!

Она опора, друг, учитель,
За ней идите смело в путь —
Придёте в добрую обитель,
Чтоб душу в счастье окунуть!

Не умаляйте то, что ценно —
Свою историю, дела,
На них не плюйте злобно, пенно,
Коль на порядочность хила —

Всё из-за выгоды! —душонка —
Её поддержит тут же враг,
Вас расхваля, трезвоня звонко,
Чтоб власть спихнуть с пути в овраг

Слепых типов недовольства
И власть имевших в прежний срок.
Мораль, культуру – напрочь в скотство,
Чтоб малолеток-сосунок,

Сырец, чтоб в жизни разобраться,
Взбесился напрочь, всё круша,
Невольный раб чужого танца,
Во всём заблудшая душа...

А если власть вдруг примет меры,
Чтоб мракобесие пресечь,
Тут сразу сэмы, пэры, сэры
Раздуют так на мир весь речь,

Что-де, свободу душат – гляньте!
Там демократии каюк!
И на протестных сразу – бантик,
А власть... Повесить бы на крюк!

Потом – тьму санкций и блокада:
Мол, диктатура там презла...
И... вдруг прямые канонады
По всей стране, как на козла, —

Из-за брехни их – отпущенья,
Себе – героя пьедестал!
И... снова в рабство обращенье.
В их мире правит капитал.

Но злу его всё ж есть преграда
В лице соцстран и стран-друзей,
Союз их крепок, то, что надо,
Чтоб сдать капстрой, как хлам, в музей.

А посему во всём – быть бденью,
Порядок чёткий всем блюсти,
За поколеньем поколенью
Дерзать и строить, и с пути

Уж не сворачивать с испуга,
Что не похвалит в чём-то враг,
Не лебезить пред ним, за друга
Чтоб быть ему, и он в овраг

Уж не найдёт в себе силёнок
Свалить вдруг иль из-под тишка,
И шаг страны вдаль будет звонок
И прям, как чёткого стежка.

Во всём контроль лишь остроокий
И совесть, правда и отчёт,
Тогда коррупции глубокой
И воровству не повезёт.

Держать страна бразды правленья
Должна во всём, всегда, везде,
Тогда не будет искушенья
Её повесить на гвозде.

Век троерот не даст ни пенса
Чтоб возместить разруху нам.
Плечо подставит друг наш – Льенсо.
«Данг» возродит, народ Вьетнам!

Но подлый враг, сломавши зубы
О нашу волю, честь, кулак,
Нагрянет вновь, целуя в губы,
Экономический просак

Чтоб подвести под нашу кровлю,
Сверхкорпораций чтобы глаз
Узрел беспошлинной торговлю,
Да чтоб закон наш – не указ!

Завалит доверху товаром,
И обыватель будет сыт...
Но плесканётся то в нас варом,
Когда прискорбным будет вид

Всех производств родных-банкротов —
За су лишь скупит их вмиг сэр.
Уж будет пир здесь землеглотов!
Мор, беды, слёзы – не в пример...

Свои условия торговли,
Как к горлу нож, предъявит вдруг,
В воде он мутной мастер ловли,

Пенс донгу сделает каюк...

Людей ненужных будут драмы,
И ропот их сильней кипеть!..
И социальные программы
Не будут жаловать их впредь.

Экономическую хилость
Ждёт политический диктат,
Век наша честь врагу – не в милость,
Люб раб ему и плутократ.

Настороже с коварным будьте,
Сыр в мышеловке неспроста.
Всегда, во всём стремитесь к сути,
Ведь совесть подлых нечиста.

Остерегайтесь, как заразы,
В бюджет вливаний пенсов в счёт
Оплаты за агрессий базы,
Суют что миру. Отсечёт

Вмиг эта подлая афера
То, что мы носим на плечах.
Коня Троянского вон сэра,
Чтоб наш Вьетнам век не зачах!

Родную Землю-Мать излечим
Мы от напалма, газов, бомб —
То долг сыновний, человечий,
Любви, заботы сверхапломб!

Наживы цель – безумство мира.
В нём беспощаден он, жесток.
Пора Земле сменить кумира,
Другой системы взять исток,

Чтоб пеплом Землю не засыпал
Раз-з-капиталовый маньяк,
И чтоб Вселенная век всхлипа
Её не слышала никак! —

Тут Ветеран свой безотказный
«АК», достойный автомат,
Тому вручил, кто без боязни
Пойдёт в бой, дальше даже – в ад!

– Прощайте... Банду троеротов
Вон из Страны швырните вспять,

Чтоб неповадно, не охота
Здесь зверства дико нагнетать! —

И тут навек закрылись очи...
Всяк с уваженьем отдал честь —
Все так его ценили очень —
И за него разыграет месть!

Могильный холмик неприметен...
И зарастёт совсем травой...
Таких, как он, уж тьма на свете...
В народе ж память – не изгой:

Поставит памятник великий
Борцам Свободы на века,
И будут видеть все их лики,
Любовь к ним будет глубока.

Фыонг всё плакала горяче,
Опять вдруг ставши сиротой...
Вот так всё в жизни: солнце, тучи,
И день, и ночь – всё чередой...

Но надо жить! Стремиться к цели
И закаляться в бедах лишь.
Жизнь, обходи препоны, мели,
Не будь, пред кошкою как,мышь!

Ну, а бойцам в боях – тем боле!
А потому Фыонг опять,
Вновь зарядившись силой воли,
Громя врага, за пядью пядь

Земле Свободу добывала,
Сердечно радуясь всласть,
Что прибавлялось той немало,
И там народ вступал во власть!

XI

Но были также неудачи,
Когда враг больно тоже бил,
И шли понуро вспять, как клячи,
Не сосчитать тогда могил...

Так и Фыонг в беду попала,
Когда, отстав от всех других,
Она, опешивши немало,
Вдруг оказалась в тугих

Руках врагов остервенелых...
– Вон утопить! – решили враз.
А море было в волнах пенных...
Её швырнули на баркас,

Связав верёвкой туго ноги,
Отплыв, где глубже, глубже дно.
Фыонг, за жизнь свою в тревоге, —
«Эх, помирать так заодно!» —

Вдруг распрямилась, как пружина, —
Толчком стремительнейших ног,
Что сей прыжок тупой вражина
Заметить даже и не смог,

Швырнула за борт резво тело,
И тут же волны скрыли враз...
И как вражина уж шумела!
Пропала пленница из глаз...

Стрельбу открыли ей вдогонку,
Но не смогли уже попасть —
Так глубоко была девчонка,
Спускаясь глубже морю в пасть...

А воздух вскоре на исходе
В пустых уж лёгочных мехах...
«Ну, вот, и смерть моя уж, вроде, —
Мелькнула мысль тут впопыхах, —

– Всплывать наверх – застрелят мигом,
А, значит, надо плыть лишь вглубь!
Чем от врага погибнуть ига,
Меня, пучина, приголубь...»

Плывёт всё медленней... О, чудо! —
Узрели в тьме глаза, зорки,
Из глубины... Ну, да оттуда
Всплывают... струйкой пузырьки,

Как будто воздух кто пускает
Вверх изо рта и из ноздрей...
Лиха в беде вдруг – мысль людская!
Фыонг их ртом, да поскорей

Ловить, глотать почаще стала,
Даривши лёгким благодать,
Хоть мысль терзала, и немало:

«А вдруг морской то дышит тать,

В свою ловушку завлекая,
Чтоб растерзать и проглотить?
Ну, значит, смерть моя такая,
И я всю спешу к ней прыть!..»

И, точно, чудище, как глыба,
Всему, что знала, не в пример,
Не осьминог то и не рыба,
Имело бешеный размер,

Спиною горбясь – великаном,
Ракушкой густо обрастя...
Оно влекло к себе арканом
На дно Фьонг, людей дитя,

Готовя страшные напасти
И испуская пузырьки
Из глубины змеиной пасти,
Но не в движенье-кувырке

Не находилось ретиво,
Две ж пары толстых, цепких ног
Обвили крепко косо-криво,
Чтоб сей субъект уплыть не смог,

Густые водорослей нити.
Дышало тяжело существо...
В таком плену уж не до прыти!
К тому же, илом занесло...

Тут глаз открылись грузно веки,
И голос грузно зазвучал:
– Не бойся! Я не леший некий.
На дне уж долог мой причал...

Я Золотая Черепаха,
Я от рожденья Ким Куи.
Да, видно, здесь моя уж плаха,
И сочтены века мои...

Всё потому, что грея мило
Свой нос и панцирь, и бока,
Что душу напрочь растопило,
Узрела я: знать высока —

Выонг! – спешила вдаль с делами.
Рыбак попался ей во взор,

Был не с пустыми он руками,
Он ожерелье, как узор,

Держал в руках красы прелестной!
Тот излучал волшебный свет...
– Ах, требуха ты, вор бесчестный!
Раз у меня такого нет,

Отдай сейчас же мне с поклоном.
Эй, слуги! Вон отнять, сказал! —
Но тот с глубоким, нервным стоном,
Что заслезились глаза,

Швырнул в момент его в пучину
И горько-горько зарыдал...
На то сердечную причину
Имел уж многие года.

Он по жемчужине, ныряя
В сташенный ад морских пучин,
Собрал то чудо, чудо рая,
И это подвиг всех мужчин!

Хотел вручить уже невесте,
Да вышло вот наоборот...
Не замарал пред нею чести
Зато, – такой в чести народ!

И порубили слуги зверско
Того беднягу на куски...
Вот беспредел! И это – мерзко.
Умрёт невеста от тоски...

Ныряли слуги, но напрасно:
Пучина тайну ввек хранит
И, в данном случае, прекрасно:
Выонг был чисто вон обрит!

И что лежу, узрев, поодаль, —
– Вмиг ожерелье мне достать! —
Выонг воскликнул, но я в воду
Лезть отказалась; злобно тать

Воскликнул: – Тоже на тушонку! —
Но крепок панцирь, и мечи
Ломались напрочь с треском звонким,
Хоть слуги были силачи!

Тогда к ногам моим надёжно

Огромной массы валуны
Вмиг приторочили, и можно
Лишь удивляться, как сильны

Так были слуги в этом деле,
Коль бросить в море всё ж смогли.
Теперь на дне дышу я еле,
От Солнца, берега вдали,

Который век, терпя мученья,
И гаснет, гаснет жизни луч
Без пользы людям, истощенье —
Враг беспощадный и могуч.

– Пстой! – Фьонг в ответ вскричала, —
Я помогу тебе в беде,
И от гнетущего причала
Ты отойдёшь и уж нигде

Не вспомнишь боле ты о плене! —
Чтоб воду в ступе не толочь,
Ракушки с панциря камнем
Все посбивала тотчас прочь!

Он заблестел вновь позолотой!
С ног отвязала валуны...
– За это мне тебе охота, —
От благодарности волны,

Воспрянув жизнью, Черепаха
Фьонг сказала, – подарить
Того труд, сгинул кто на плахе,
Кто нанизал его на нить,

Что засиял он чудным светом,
Сравни став Солнцу и Луне!
Невеста с горя сгубла где-то,
И в пепел дом сгорел в огне...

Но, знай, наденешь лишь на шею,
А, верь, придёт такой черёд,
Оно, подобно чародею,
Тебе вмиг Счастье принесёт!

Садись на панцирь мне скорее,
Мы к Солнцу двинемся вперёд,
Под ним себя я уж погрею... —
И тут же выплыли из вод.

Расстались, будто две подруги.
И добралась Фьонг к своим —
Шаги быстры её, упруги...
«Пока Страну не отстоим,

Зачем кощунственное счастье
На фоне слёз, смертей и бед,
Когда другим одни несчастья,
И нет конца им, нет как нет...» —

И ожерелье завернула
В лоскутик тряпочки и – в схрон.

ХII

Дрожало небо уж от гула,
И нёс тот гул земле урон...

Лишь Ким Куи, в порыва пике,
Добра писала черновик,
Чтоб дать Верховному Владыке
Прошенье, чтобы он проник

К народу чутким состраданием
И троеротов покарал,
Фьонг – в разведку уж с заданием,
Атак бойцов кипел аврал!

И изгонялись троероты
И их приспешники с земли —
Народ их гнал с большой охотой,
Тех наглый дух был на мели...

Хоть звери с ранами опасны,
Их ярость – злобы беспредел,
Они кумекают прекрасно,
Что не спасти им шкур и тел,

Хотя бросаются в надежде
Вон прочь охотников прогнать,
Вцепиться в горло, как и прежде!
А как же! Звери – злости знать.

На фоне вражеских конвульсий
Мужал в боях Вьетнам—боец,
В бой на врага идти не трусил,
Чем приближал его конец.

И троероты – целых восемь

Лет! – не смогли его согнуть,
У них в боях настала осень,
Позорным бегства будет путь!

Вьетнам же шёл неколебимо
К своей Свободе напрямик!
Она ему необходима,
Душой он к ней всю притянул,

Ведь, под её желанной сенью
Счастливой жизнью заживёт,
И в этом нету в нём сомненья,
Он к ней идёт, идёт вперёд,

Врагу на хвост всё наступая
И оттесняя в стан зимы,
А та суровая такая,
Аж проморозила штаны! —

Позорно гонит по полмиру,
Чтоб носом ткнуть об стол, в Париж.
Ну, и растряс в пути он жиру!
Зато уж наглости – на шиш.

Январь суровый, бородастый
Там во главе стола сидел:
– Все троеротовы солдаты
Должны немедля за предел

Уйти отважного Вьетнама,
В права вошёл чтоб добрый мир,
И расчленения боль-драма
Быстрее закончила бы пир.

И жизнь вошла бы снова в русло,
И вновь раздался б детский смех!
И троероты в марте грустно
Без всяко-всяческих помех,

Как псы побитые, бежали,
Вон получив вослед пинка,
Скуля, дрожа, стремглавы в дали...
Видать, в боях кишка тонка!

Да им и скатертью дорожка!
Катастрофический урок.
Комар – он маленькая мошка,
Но укусить как больно смог!

Ну, а с приспешниками круто
Враз разберётся сам народ,
Хотя одеты те, обуты,
Вооружений полон рот.

И Север, Юг – два кровных брата —
Семья одна им дорога —
Как два отважнейших солдата,
Им сбили напрочь вон рога

Под Фуонклонгом, Тэйнгуэном,
Хюэ-Данангом. Саунлок
Вон долбанул ещё поленом,
А окончательно вмиг смог

Послать в накаут под Сайгоном,
Чтоб не разрушить город (риск!)
Уж «Хо Ши Мин», когда со звоном
И сходу танк ворота вдрызг

Дворца Тхиеу, злобы стана,
Разнёс в таране! Тот в Тайбэй
Сбежал в агонии к тирану,
Гнус, троеротовый плебей!

И на броне его отважно
Фыонг была, хоть и не в нём,
Мечтала как. Но то неважно!
Зато увидела, как днём,

А то тридцатого Апреля,
Победный взвился с Золотой
Звездой стяг. И, твёрдо веря,
Что будет он над головой

Теперь уж вечно развеваться —
Над гордой, славною Страной,
Не суй которой в рот ей пальцы,
А обходи ввек стороной!

А другу – дружбы и объятья,
И равный голос и дела,
Ведь все народы в мире – братья,
Земля одна их родила!

Труд троеротов – мерзкий опус.
Собрав монатки, – вон в бега
Пустился в страхе дип-их-корпус,
Ай, шкура стала дорога?

Ну, а предатель и приспешник
С визжаньем диким поросся
Впивал, моля, в их пятки клешни,
Укрыть, забрать с собой прося...

И в вертолетское пузо
С остервененьем валом лез,
Других топча, грызя (обуза!) —
За жизнь свою от страха – бес!

Вслед, пыжась, «тонущие лодки»
С остервенением гребли,
Душонки спрятать чтоб и шмотки,...
Но всех не взяли корабли,

А лишь нахальных и элиту —
Ведь руку моет лишь рука! —
В пучину прочие вон сбиты,
Она их съела, глубока...

Народ же, славный Победитель,
За указующим перстом
Родной компартии обитель
Стал восстанавливать – свой дом.

А, впрочем, строить начал новый,
Его прекрасным возводя,
Чтоб счастье доброе – под кровом,
Ведь, жизни цель его в том вся!

А батальон «Неуловимый»
Стал в новом звании: «Стройбат»!
И возводился дом уж зримо,
И всяк боец тому был рад!

Истосковались по мирной
Работе руки, просто, страсть!
И тягу эту пули, мины
Ввек не могли у них украсть.

И возрождались снова дамбы
И сеть каналов, чтобы рис
Забыл бы засухи ухабы...
– А ну, ребята, поднапрись!

Фьонг трудилась со всеми,
Не покладая добрых рук,
Ростком чтоб радовало семя.

Как сердца радостен был стук!

Но автомат, на всякий случай,
Был наготове за спиной:
А вдруг враги нагрянут тучей,
А вдруг навяжут снова бой?

И возвратился Юг заблудший
В семью любимую свою —
Что может быть на свете лучше,
Желанней, чтобы быть в раю!

И возрождалась понемногу
Страна, вставала из руин,
Шагала вдаль с Прогрессом в ногу.
Народ ведь был в ней – господин!

Уж «Интеркосмос» Фам Туана
Включил в Советский экипаж.
Взнесла его ракета рьяно!
И он, Вьетнама храбрый страж,

Вокруг Земли летал в «Салюте»,
«Союзах» – в уйме кораблей
Во чреве Космоса. По сути,
Во славу Родины своей

И по доверию, заданью
Её, исполнив чётко труд,
Безгрешно, полно, со стараньем,
И в мире Космоса был крут!

Земля встречала, как Героя,
Вьетнам азартно ликовал!
Любви салют пленял собою...
Людей к нему стремился вал!

И рады были те, кто вместе
С ним на войне в строю одном
В боях всех были ради чести
Страны любимой, отчий дом

Бесстрашно грудью защищая,
Громя презренного врага —
И то обязанность святая,
Отчизна коли дорога.

Фьонг, как все бойцы стройбата,
Была в восторге от души,

Как и за сбитый им когда-то
«Б-52», что он «прошил»!

Власть, как ребёнок, ликовала,
В ладошки хлопала, поя!
Ведь, с ним знакома, и немало:
В атаки вместе шли в боях!

А в ночь, когда в тиши лежала,
Уставши за день от трудов,
От них лишь ждущего аврала, —
И на него был всяк готов! —

С улыбкой вспомнила вдруг ясно,
Какими «дивными» глаза
Её назвал он... Как прекрасно!
Хотя в своих от ран – слеза...

С какой таинственной улыбкой
Её он встретил у куста,
Когда в ручье была, как рыбка,
А вдруг улыбка не пуста?! —

И от догадок заметалась,
Всё взвесив «против», ну, и ... «за»,
Ответ неясен... Эка жалость!
Вдруг разразилась, как гроза,

Её догадка в сердце дивном!.. —
«Зачем отпрянул от куста
Он с видом, якобы, невинным»?!
Притворства ложь, знай, не пуста...» —

И щёки сразу заалели...
И сердце сразу ей вопрос:
«Ну, что с того, что в самом деле
В кусты он сунул длинный нос?!

Быть может, нюхал он листочки
Иль рвал плоды, коль те вкусны...» —
И так, в смятенье, чары ночки
Её вводили в чудо-сны...

И всё трудилась дни и ночи,
В жару, прохладу дальних звёзд,
Ведь батальон их стал рабочим,
Но труд – военный тот же пост!

Идёт борьба существованья

С реальным в горе бытиём,
Забыть чтоб напрочь все страданья,
Построив Счастья общий дом.

Фьонг, с работы приходивши,
Валилась тут же на постель —
Была усталость выше крыши! —
И, не жевавши свой бетель,

В глубокий сон неслась мгновенно!
Всё тело ныло от натуг...
Чтоб рано утром, – непременно! —
Азарт разыграл её вновь рук!

ХІІІ

Так каждый день поочерёдно...
Но вот, придя с работы раз,
И чтоб в жилище было модно,
В нём за порядок принялась,

И скоро чудно всё блестело,
Аж восхитилась сама...
А за пожитки взявшись смело,
А их лишь – тощая сума,

Она взор в тряпочку уткнула,
А, развернувши, обмерла...
...Несётся с ней баркас-акула,
Чтоб утопить, она ж, смела,

Сама бросается в пучину,
Где бездна жуткая кругом:
«Сама пусть жизнь свою покину,
Чем будет сделано врагом!».

Но, чудо! То была не плаха:
Вдруг Ким Куи её спасла —
Да! – Золотая Черепаха,
К добру не знавшая ввек зла.

А за своё освобожденье
Ей ожерелье поднесла —
Его прелестно как лученье! —
Вершина чудо-ремесла!

Теперь в руках оно девичьих...
О нём смогла как позабыть?
В боях, трудах до дел ли личных!» —
Но машинально – дев всех прыть! —

Его на шею водрузила,
Осколок зеркальца взяла...
Смотрелась в нём она премило,
Ну, изумительно мила!

И улыбнулась мимоходом
На предреканье Ким Куи:
«Видать, была шутницей сроду,
И шуток, видимо, – кули...».

Но не успевши снять обратно
Вдруг слышит, в небе вертолёт!
Неужто, будет жизнь превратной,
И вновь врага грозит налёт?

И автомат вмиг подхвативши,
Мчит из жилища в тот же миг!
А рокот громче, но не тише...
И на неё, ведь, напрямик!

И перед хижиной уселся,
И круговерти нет винтов...
«Ну, и зачем, какого беса?
Что делать здесь теперь готов?» —

Вот дверь раскрылась нараспашку!
Выходят... Что это?! ... Цветы!
Над ними видно лишь фуражку.
Букет огромнейший... Ух, ты!

За ним, неся в руках подносы,
Покрытых скатертью, идут
И смотрят радостно, не косо,
Другие люди... И вот тут

Букет... подносится ей лично!
А, может, это сон, обман?
Не взять же – было б неприлично...

О, Небо! Это ж... Фам Туан!

То он был, собственной персоной.
Улыбка – радужный салют!
Глаза отрадою весомы...
А те, другие, подают

Ей уж покрытые подносы
И просят, край, мол, приоткрой!
Не принимаются расспросы.
И все поют, поют взапой!

– Вдруг там зубастая акула?! —
Но любопытства милый взгляд
То сделать, всё же подтолкнуло,
Не отведя уже назад.

Там, на одном, огонь как, красный,
Расшитый золотом цветов,
Лежал, из сказки как, прекрасный —
И подтвердить то всяк готов! —

Воздушный, пышный, расчудесный
И милый взору... аозай!
А на другом, – как дар небесный,
Заворожились что глаза,

Пленяла шляпа алым цветом,
В узорах, в перьях вся, в цветах...
Коронам мира с нею – где там! —
Век не сравниться... Лишь в мечтах.

И туфли дивные узрела,
Да на высоком каблуке,
Взяла потрогать их несмело...
Ах! Как пушинки на руке.

И были чай, бетель, орехи,
Деликатесы, пироги...
«А, может, это для потехи,
Подразнят лишь, взять не моги?»),

А люди в щедром все ударе,
И бесконечен их поток...
Цветов букеты дарят, дарят —
Неиссякаем чувств исток.

То Фам Туана сослуживцы
И преогромная родня.

Ах, как сияли всех их лица!
«Похоже, что не западня...».

И встрепетнулось сердце девы!
Догадки с скоростью лихой
Вмиг чувства тайные задели...
«Похоже, это... «Ле анхой!».

А с ним шутить, конечно, грешно...
Переживаний стук копыт!..
И тут невольно, безутешно
Вдруг разрыдалася навзрыд!..

Её быстрее спешит утешить
И приголубить Фам Туан:
«Какой посмел обидеть леший?
Возьму сейчас же на таран!».

И подступили все другие...
То про неё он им не раз —
И в мир, и в годы все лихие —
Вёл восхитительный рассказ.

– Ну, если так, она – что диво,
Мы будем свататься сейчас! —
И, взяв подарки, торопливо
Сюда примчались в тот же час.

От восхищенья этим дивом
В восторге стала их душа!
– Ты будешь с ней навек счастливым,
Она, цветы как, хороша! —

Дал батальон ему согласие,
Ведь он семья ей и родня,
Желая сладостного счастья —
День из дня, день изо дня!

По всем статьям жених достойный,
Боец-храбрец, Герой, наш брат,
С ним не страшны с врагами войны,
Прогрессу, Космосу собрат!

Фыонг пришла опять в порядок,
В душе светло так! И покой...
И мир стал вновь желанен, сладок,
Ликуй вновь в нём и песни пой!

Она – в прелестности короне,

Трудолюбива и храбра.
И шли они – ладонь в ладони...
И все желали им добра!

Август, 2015 г.

Примечание: по всем незнакомым Вам названиям, событиям и именам, отображённым в «Белой Лебедушке», просьба, обращаться к Интернету в разделах о становлении Вьетнама как государства и его национально-освободительным войнам.

Мураши

Шёл Грибник однажды лесом
И невольный бросил взгляд,
Как на месте на прелестном
Муравьёв спешил отряд,

Да не просто бравым шагом,
Будто это был парад
Под развёрнутым их стягом,
А карательный наряд,

Потому что Муравьишко
От них мчался со всех сил!
Насолил, видать, он слишком,
Что себя так уносил...

Да споткнулся вдруг, несчастный...
На него наряд насел
И скрутил – он в этом классный
Мастер этаких-то дел —

И беднягу к эшафоту,
В зад пиная, поволок,
Чтоб отбить ему охоту
Жвалы целить в тех, высок

Кто по рангу и по сану,
Их-де, тронуть не моги!
Это сану лишь, как клану,
Выбивать в правах мозги.

Жертву ждал уже громила,
С экстра жвалами палач,
Зверем-зверь, смотрел немило,
Не помилует, хоть плачь...

Откусил он, как былинку,
Покатилась голова...
– Прочь Царицу! Гладить спинку
Хватит ей, – летят слова

Изо рта её призывно, —
В ней всё зло извечных бед...
– Прекратить! – палач надрывно,
В рот – её! И той уж нет...

Мурашей, что тех согнали,
Чтоб увидеть власти твердь,
С торжества прогнали в дали,
Не буянили чтоб впредь...

Тут увидел их жилища,
Ужаснувшись, Грибник,
Скарб их, бедность, мизер пищи,
И, задумавшись, поник...

Крыши – две лишь, три былинки.
Остальные – во дворец!
Холод, – с неба коль снежинки,
Жижа – в дождь, – как холодец...

А поймают насекомых,
Во дворец всех оптом прут.
Рот же здесь кривит с оскомы,
Хлещет их судьбины кнут!..

Их лохмотья все в заплатках,
Лапти в дырках все насквозь,
Коль есть труд, – не при зарплатах,
Покосилась жизни ось...

Нету денег для учёбы,
На лекарства, – если хворь...
Но их души высшей пробы,
Ясный ум на всё, – не спорь!

Но одна у них оплошность:
Все, все-все разобщены.
Цель-то есть, плоха возможность.
Потому порабщены.

Шёл шумок: виной Царица...
Вот её бы враз убрать!
Жизнь отрадой заструится,
Счастье ляжет на кровать!

На неё точили жвалы...
Где, вот, храброго найти?
Попытались, но – провалы...
Эшафот – конец пути.

Взять, хотя бы, Муравьишку,
Что растерзан палачом:
Этот храбр был, даже слишком,
Но Царице – нипочём.

– Пуст героев путь, рисковый,
Вмиг проглотит власти пасть.
Кабалы слетят оковы,
Коли масс всех будет власть! —

Утешал так сын мамашу,
Её младшенький – Мураш, —
Будем помнить скорбь мы нашу,
Её долгим будет стаж...

Но пойдём иной дорогой,
Сбросить чтобы напрочь гнёт,
Не один пойдёт, а много,
Массы, благ чтоб выпить мёд!

Надо прочь изгнать безволие
Из их душ и из ума,
Вмиг борьбы придёт раздолье,
Кабалы падёт тюрьма!

Но для этого Дружину
Надо стойких Муравьёв,
Мира чтоб явить картину
Всем, их душам до краёв.

Она будет авангардом
И вождём Мурашных масс,
И они пройдут парадом,
Сбив Царицу с трона враз

И её всё окруженье,
Став хозяином судьбы,
И добудут уваженье,
Лёгкость тропами ходьбы,

Их желудок будет полным,
Все повысят кругозор,
Не накроют горя волны,
Не скосит вселенский мор.

Похвалил Грибник парнишку
Про себя, им восхитясь:
«Не одну набьёшь ты шишку
И лицом ударишь в грязь,

Прежде, чем добьёшься цели.
Ну, да смело топай в путь
Из своей разрухи-кельи,

Чтоб с тропы ввек не свернуть!»

И пошёл Мураш с друзьями
По домам всех бедняков,
Чтоб их вытащить из ямы
Кабалы и из оков.

И ростки давало слово,
И души рождалась спесь,
Чтобы жизнь начать всем снова
Не в загробье, а уж здесь.

И, уверовав в победу,
Мураши пошли на бой,
И дворец уже к обеду
Не являл дворца собой...

Вся Царицына прислуга,
Вся её отрава-власть,
И сама она с испуга
Поспешили тут же пасть...

Всех их выгнали из леса,
Да поганю метлой,
А какого им тут беса
Править, пыжася, страной?!

Все за озеро умчали,
Там точили злобно жвал,
Чтоб Стране быть лишь в печали,
Всех деяний был б провал...

Но Мураш теперь хозяин
Стал ведь собственной судьбы!
Заозёрный подлый Каин,
Зря стараешься. Гробы

Не подходят по размеру
Тем, когда им власть – родня,
И свою уж строят эру
Счастья всех – день ото дня.

Всем – бесплатные жилища,
Медицина, спорт и ВУЗ,
Отдых, вволю прелесть-пища
И в искусстве прелесть Муз,

И отрада от зарплаты,
Всякий старый стал, как млад,

От врагов – стальные латы,
Производства бум, парад!

Все друг другу братьев ближе,
Есть контроль и есть отчёт:
Низ – верхам, те – кто их ниже,
Счастья жизнь рекой течёт;

Электричество давали
Государству Светлячки,
На Жуках летали в дали,
Рвали подлость, ложь в клочки,

Управляли всем хозяйством
Чётко, смело видя даль,
Ни души здесь нет с зазнайством,
С тайн Природы – прочь вуаль!

Направляла устремленье
Масс Дружина Мурашей;
Лишь на Правду всех – равенье!
Долг и Совесть в мозг прошей!

Все трудились дружно, кучно,
Не как пёр себе лишь – встарь,
А с азартом, с песней звучной,
Сверхбогатством полня ларь.

Вдаль прокладывали тропы,
Были леса верха близ —
И к листкам причалив стропы, —
Парашют! – спускались вниз...

Охранялися границы
Зорко, мощно, без прорех.
И соседние столицы:
«Вот разгрызть бы сей орех!..» —

Меж собой, злобясь, мечтали,
Козни строили, ложь, вред...
Мураши ж шагали в дали
От Победы в стан Побед!

Звук о них пронёсся лесом:
«Вот бы так же жить и нам!
Гибнем мы под ига прессом...
Нам такой бы чудный храм!»

Выпрямляли с хрустом спины,

Раздвигали ширь плечей,
Не боялись уж дубины,
Не боялись и плетей!

И дворцы Цариц тряслися
От их ропота и глаз...
«Ба, рабов бунтует Крыса,
Мы её прихлопнем враз!».

И, конечно, подавляли,
Разгрызая пополам:
«Вот Свобода вам, сладсть-дали...
П-шли обратно в свой бедлам!

А свободных Мурашишек
Уничтожить в пух и прах!
Нам в делах они – излишек,
Им устроим вечный крах!

Мы хозяева планеты,
Остальные все рабы,
Люб нам звон живой монеты,
Все склони пред нами лбы! —

И построились рядами,
Отточивши хватку жвал, —
«Бог, извечно, знамо, с нами,
На бесправных... наплевал.

Потому и нам победа
Будет лёгкою совсем,
Подадим мы смерть к обеду
На прощанье им всем-всем...» —

Навалились на границы,
Потеснили Мурашей
И дошли аж до Столицы,
Целя жвалы в ткань их шей...

После них – одни лишь трупы,
От всего-всего – труха,
Смерть бросает всех-всех в ступы
И толчёт их: «Ха, ха, ха!»

За концлагерем – концлагерь,
Крематорий смертный дым,
В рвах закопаны бедняги,
С горя млад всяк стал седым...

После них – одна пустыня,
Рыщет Смерти жадный взгляд...
– За спиной у нас Святыня!
Как падёт, так будет ад...

Постоим же за Столицу,
Не жалея животов! —
Распоследнюю крупицу
Их Державы всяк готов

Отстоять был, даже смертью!
Напряглись! В вражинный лоб
Храброй, смелой круговертью
Навалились, чтобы в гроб

Бросить вон его за горе,
Беспощаден в мести жвал!
Дрогнул враг, с испугом вскоре,
Паникуя, побежал!..

Вспять гнала его Дружина,
А из праха на пути
Вдруг вставали жертвы-джины,
С ними, знамо, не шути!

Цепко те врага хватали,
Выжимая мерзкий сок,
И швыряли их за дали
В смерти пасть наискосок!

Перепрыгнувши границы,
Вылезая из души,
Посдавали враз столицы:
С боем взяли Мураши!

Их несчастные Мурашки
Вышли радостно встречать!
Остальные все букашки.
Радость! Счастья всех печать!

Целовали, обнимая!
Победителю в момент
Их душа в любви большая,
Возводила монумент

И клялась, что будет вечно
С благодарностью блюсти,
От души любя сердечно,
Возвелича и в чести.

Власть свою установили,
Как аналог Мурашей:
– Хватит жить в засилья иле
И кормить отары вшей!

С Мурашами мы в Союзе
Будем вечно, на века,
Не на тормозе иль в юзе,
А впритирку чтоб бока!

«Как признательны Мурашки...
Сколько пало Мурашей,
Чтоб у полной быть тем чашки,
Жвала чтоб не стригли шей» —

Думал, радуясь восторгу
Вдруг свободных, наш Грибник, —
«Не пошлёте ли вы к моргу
Этот преданности крик?»

Мураши же вспять с Победой
Возвратились по домам.
– Как один, за мной все следуй, —
Им Мураш (у сердца шрам...), —

От разрухи восстановим
Всё хозяйство всей Страны,
Вдаль шагать парадом Нови
Под бодрящий звук струны!

Вся индустрия в развале,
Разворочены поля,
Миллионы жизнь отдали,
Бьясь с врагом... Был крах жилья.

И никто не вспомнит даже
Ужас страшных всех потерь
От врагов в их злобном раже,
Что «с нуля» росли теперь,

Было очень трудно, тяжело
Возродить с сего «нуля»,
Нет скота, машин, упряжка —
Мы, собою же руля...

Возродить всё! Не до жиру —
Был сознательности клич.
И явили чудо миру,

С горем яро впавши в клинч!

«Все невзгоды пересилим,
Трудность нам не сбавит шаг,
Мы свободны, значит, в силе,
Не сдержат порыв никак!» —

И топтали тропы снова,
Жук их вёз, как паровоз!
За обновой – обновы,
«Парашютик» их вознёс

Одуванчика за тучи,
Выше только куча Звёзд
С удивленьем смотрит с кручи,
Крутанув Комете хвост...

Светлячков электротоки
Нагревали в стужу печь,
А во льдах стрелой – протоки,
На жару могли налечь;

Закаляли обороны
Непробойный мощный щит,
Чтоб не слышать горя стоны,
Враг коль снова взверещит;

Землю, надо где, спушили —
Там колосьев тучных лес —
Не охватит глаз их шири...
Труд всем в души крепко влез

И давал в ответ отдачу:
Им жилища возводил,
Огород и пляж, и дачу...
В Счастье рвеньё – без удил

Было всех, раскрыть чтоб души
И способностей запал —
Нет, не били в том баклуши —
Был азарта сверхнакал!

Каждый каждому был братом,
А товарищ – верный друг.
Пойман был, служил им атом,
Сбросить тяжесть чтоб вон с рук.

Труд, хоть малый, был в почёте,
Как и все преклонных лет.

С автоматикой – не в поте.
И не лезла Совесть в плед,

Правдой-маткой назидая,
Чтобы чуждое пресечь,
И Страна передовая
Прерывала Царств всех речь,

Лишь увидят те успехи,
Её поступь, твёрдый шаг
И надёжные доспехи.
И задумал подлый враг...

Изнутри её червиветь,
Не сумел уж коли в лоб:
– Мураши! Но сластью вы ведь
Понабить непрочь бы зоб...

«Ещё лучше, чтоб от власти
Нам найти таких сластён;
Мы поймаем их на сласти,
Доживём до сих времён!

Подошлём им сладконошей —
Тлей – нагнать им наш чтоб вкус.
А прикормим их хорошей
Сластью, сделаем укус,

Схватим сих тупиц за шкуру:
Раз вы жрали вражий плод,
Вы враги Стране, и дырку
Мурашиный ваш народ

В головах просверлит, ясно,
Как и всем её врагам,
Отпираться уж напрасно...
Тут они падут к ногам,

Их не выдать умоляя...
Вот они и на крючке!
Едет твердь – Земля родная,
Знамо, лишь на дурачке.

Тут Приказ – не уговоры —
Вколим в уши, как иглу:
«Нам служи, и будут горы
Вмиг сластей в твоём углу.

Всех, Стране кто ненадёжен,

Подкупи и завербуй,
Видно их всегда по роже,
Им подачка в жизни – буй,

На который сумасшедше
Плыть толкает близкий шторм.
Те, других опять нашедши,
Завербуют, дав им корм.

Вот и будут на цепочке,
Кус учуявшие, псы.
Нет границ уж на замочке...
Власть хихикнем мы в усы!

А начнутся притеснения
Их за чуждый жизни дух,
Тут уж все мы без стеснения
СМИ вспугнём, помойки мух.

Отработают зарплату
На процентов на пятьсот,
Поскребя ума палату
От подвала до высот.

Вмиг найдут, что у Мурашек
Дикий давит честных пресс.
Так нельзя, мол, мять букашек,
А Мураш в том – сущий бес!

Заставляет, чтоб Медведей
Мураши возили вскачь,
Все Медведи там – соседи,
Любят ездить, хоть ты плачь!

Ходят там, заместо ножек,
Поголовно на ушах!
Голод. В холод – без сапожек!
А Мураш – диктатор, шах.»

Часть подловленных сбежала,
Прихватив с собой секрет,
Чтоб впивать «оттуда» жало
За звон тамошних монет:

Душат злобно их свободу,
Затоптавши личность в грязь,
В тюрьмах все сызмальства. Воду
Пьют из лужи, коль взялась...

Остальные же, двулики,
Попроникли плеснью в власть,
Планам ставят подло пики,
Государству чтоб упасть,

Чтоб создать нехватку пищи,
Захирел чтоб напрочь быт,
Стал бы духом каждый – нищим,
Властью, мол, забит, забыт...

И тогда поднимет голос,
Возмущенья вздыбит гнев,
Тут слетит уж с власти волос,
Ведь Мураш пред ней, что лев!

Также с этим параллельно
Завербованная рать
Занималась чинно, дельно,
Чтоб себя «вверх» продвигать,

А мешающим – подножку,
Лучше, знамо, прочь убрать.
Тихой сапой, понемножку
Пробиралась к власти тать...

В производстве, в управленье
Занимала всё посты,
В СМИ проникла... Вкруг – говенье,
И желудки всех пусты...

Пробралась и в командиры
Также воинских частей,
Выдавая чин, мундиры,
Из «своих» кто был людей,

А негодных – вон в отставку,
Отслужил, мол, нужный срок,
За жильём создавши давку...
Кто в ней был, и тот не смог

На законных основаньях
Получить своё жильё.
То «свои» своё старанье
Проявляли, ведь – жульё.

Так, снимая, продвигая,
Обещая браво красть,
И явилась дорогая
Уж Верховная им власть.

Лишь забрать осталось в руки
Самый высший, что есть, пост
И сидеть на нём без скуки,
Прищемивши прежней хвост.

Из «своих» же самый «Главный»
Был по паспорту «Ниак»,
Шаг в «верха» он делал плавный,
Чтоб потом иметь Кулак.

И носился за Болото,
Указанье чтобы взять
От Цариц, ну, и чего-то,
Улетая с грузом вспять,

Чтобы сделать подлый вылаз
Против власти Мурашей.
В СМИ отравы вся варилась
Для доверчивых ушей,

Возвеличивши «своих» же,
Чтоб иметь поддержку масс,
Гнуть потом чтоб их пониже,
Массы эти – низший класс.

И поддержка – безразличье
Ко всему и даже лень.
У «своих» вот и величье,
Коли масса эта – пень.

Из «своих» создали группы,
Начинивши наркотой,
Их теснили нагло крупы
Тех, кто звался «ноготой»,

От событий оттирая,
Нагло лезя на рожон!
Масса, что? Она сырая,
Вмиг попятилась вон...

Часть её была на дачах,
Копошилась меж всех гряд...
Облегчало то задачу
Тёмных сделать действий ряд.

Ну, а главная опора
И надежда на успех —
Командиров подлых свора,

Тех, кому предать – не грех,

Наплевавши на Присягу
Государству Мурашей,
И к подачкам давши тягу,
Как зерно влечёт Мышей.

Был Министром Обороны
Загодя уж из «своих»,
Получая щедро боны
Сразу оптом за троих.

Прозевала и разведка
Государства из-за шор,
Ржа съедает что уж едко
Всю Страну с давнишних пор.

Не давала делу хода
Также плесень из «своих»,
Ложь тасуя для народа,
А Предатель в этом лих.

Кумовство и панибратство,
Лесть, подачки – то ступень
Для врага, его злорадство,
Что «верха» – всё тот же пень,

Лишь диаметром побольше,
Так же плосок его верх,
Корни с умыслом потолще,
Тянут сок, из птиц как Стерх.

Будет лёгкою корчёвка,
Коль сложить огрехи враз
Государства, и издёвка
Тех, кто к власти сделал «брас».

Из «своих» была верхушка.
На всех ниже – дефицит,
Тряс Страну он до макушки,
Дел порыв вмёрз весь в Коцит.

«Ну, зачем Страна такая,
От неё плохой удой,
Как хочу же молока я!
Может, я пойду к другой?»

«Да, да-да, быстреей спеша-ка
К ней с... панических всех ног!

Будет в новой много шика,
А от этой мал уж прок.

Но сначала – «Демократья»,
Соблужи чтоб нам закон,
Мы сурьёзные, ведь братья!
А вдруг в старый вновь загон?

Потому проголосуем,
Чтобы истину найти,
Не коснеть дурачки все,
Спотыкаясь по пути.

Опустили бюллетени,
Подсчитали результат:
Нет, не пал Строй на колени,
Был и будет вновь парад!

Но «свои», укоренивши
Корни с умыслом в «верхах»,
Позанявши все их ниши,
Как по клину подло – трах! —

И Державу раскололи,
Полетели вдрызг куски...
Радость в шерсти быть для моли,
Весь веселья, нет тоски!

Но остался всё ж осколок
Власти старой, он Орех,
Мурашей, как стадо тёлочек,
Поведёт вдруг, чуя грех?

И Никак Приказ дал быстро —
В этом вся его корысть:
– Звать ко мне всех войск Министра:
Силой тот Орех разгрызть!

Одинок! Нет управленья:
Обесточили мы сеть,
Нет в войсках повиновенья,
Все они уж наши ведь!

И расстреливали залы
Заседаний танки впрах...
И Царицы, как шакалы,
Ликовали: «Радость! Ах... —

Слыша отзвук убиенья, —

Подкуп прибыль вновь принёс!»
Пленных всех нет преклоненья
Пред врагом, нет страха, слёз!

Шли все с гордой головою!
А вокруг оргий балаган...
«Что случилось с Страною,
Кто поставил ей капкан?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.